
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 4 ЯНВАРЬ 1975

Скульптура Шадра «Булыжник — оружие пролетариата».

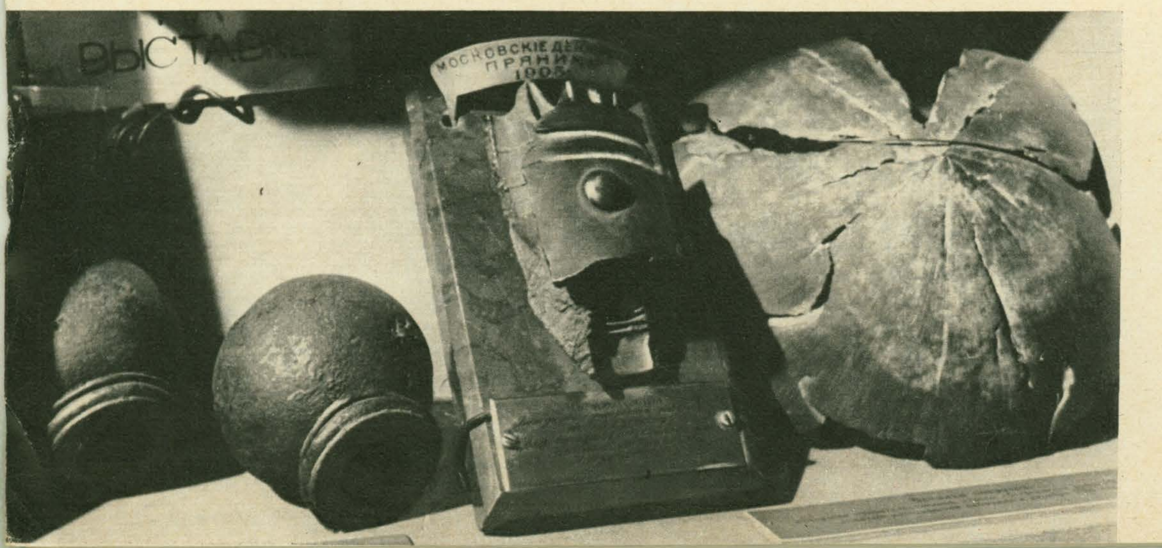
А. ГОЛИКОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

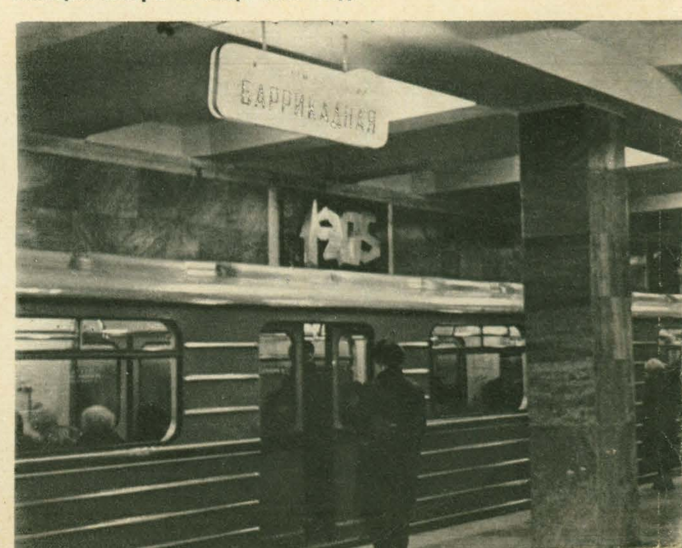

БАСТИОН РЕ

Боевое снаряжение восставших.

Станция метро «Улица 1905 года».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 4 (2481)

18 ЯНВАРЯ 1975

В Музее Революции, у панорамы баррикадных боев на Красной Пресне.

ВОЛЮЦИИ

«ВЕРШИНОЙ РЕВОЛЮЦИИ, КАК ПОДЧЕРКИВАЛ ЛЕНИН, ЯВИЛОСЬ ДЕКАБРЬСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ В МОСКВЕ».

Из постановления ЦК КПСС «О 70-летии революции 1905—1907 годов в России».

Здание клуба прославленного московского предприятия «Трехгорная мануфактура» стоит в стороне от уличного шума. В клубе размещается музей «Трудовой славы «Трехгорки». Сюда часто приходят рабочие фабрики, учащиеся ПТУ, школьники старших классов. Они подолгу задерживаются у стендов, посвященных Декабрьскому вооруженному восстанию в 1905 году, читают и перечитывают скупые, горячие слова воззваний того времени, всматриваются в старые фотографии тех, кто отдал жизнь за дело рабочего класса.

Фабрики Прохорова забастовали 7 декабря, и рабочие стали готовить оружие. На следующий день трехгорцы во главе с большевиком З. Я. Литвиным-Седым вышли на демонстрацию. Длинная колонна рабочих двинулась к центру Москвы. Демонстрантов охраняли дружинники. А впереди работницы Мария Козырева и Анна Грачева несли большое алое полотнище с надписью: «Казаки, вы наши братья — не стреляйте в нас».

До центра демонстрация не дошла: путь преградили казаки. Демонстранты остановились. Девушки с полотнищем подошли вплотную к казачьей сотне. Они кричали казакам, чтобы те не стреляли в своих братьев-рабочих, что они сами трудящиеся, только в казачьих шинелях. Командир сотни приказал схватить девушек, но казаки не повиновались.

...Пожелтевшие от времени фотографии рассказывают, как 11 декабря Пресня покрылась баррикадами. Их сооружали из фонарных столбов, железных оград, ящиков, телег, досок и все это заливали водой: мороз покрывал баррикады ледяным панцирем. На Пресне был создан боевой штаб из представителей революционных партий и депутатов Московского Совета. Фотографии этих первых депутатов бережно хранятся в музее.

Советы рабочих депутатов были созданы для руководства стачечной борьбой и вооруженным восстанием. На Пресне, опоясанной баррикадами, единственной властью в те дни были штаб и депутаты. Избранники рабочих быстро и энергично проводили в жизнь все решения штаба и сами с оружием в руках сражались на баррикадах. Депутат Мазур был комендантом «парламента» — так называли дом, в котором заседал штаб,— и отвечал за его охрану. Депутат Иванов ведал казной штаба и боевых дружин. Филиппов был харчевым старостой. Быков следил за тем, чтобы лавочники на территории Пресни не повышали цены.

Депутаты пользовались большим авторитетом и безграничным доверием трудящихся. К ним обращались как к представителям власти с разнообразными вопросами.

Экспонаты музея рассказывают о героизме и стойкости защитников бастиона революции на Пресне. На помощь им прибывали вооруженные рабочие дружины из других городов России. Большой и хорошо вооруженный отряд иваново-вознесенских ткачей привел М. В. Фрунзе. Но силы были неравны. На фотографиях запечатлены здания, превращенные в руины тяжелой артиллерией, расстрел трехгорцев озверелыми карателями.

Но жертвы пресненских рабочих не пропали даром. Их вооруженная борьба пробила первую брешь в царской монархии. «Без «генеральной репетиции» 1905 года, — подчеркивал В. И. Ленин,— победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна».

Мемориальная доска на месте, где сражались рабочие дружины.

А. РОМАНОВ

ВАХТА В

Стартом корабля «Союз-17» 11 января 1975 года продолжилась навигация восемнадцатого года космической эры, открытой в октябре 1957 года. 12 января экипаж «Союза» командир Алексей Губарев и бортинженер Георгий Гречко провели стыковку корабля с орбитальной станцией «Салют-4». На околоземной орбите появилась система «Союз — Салют».

О ТЕХ, КТО В КОСМОСЕ

Подполковник Алексей Губарев и инженер Георгий Гречко — одногодки. Им по сорок три года.

— Что вам рассказать о себе? — отвечая на мой вопрос, задумался Алексей Губарев.— По технике корабля говорить куда проще. Тем более, что экзамен сдан. Оценка отличная. Тренируемся вместе с Георгием Михайловичем давно, как говорят, попритерлись. Довольны друг другом. Готовились в полную силу. Каждую тренировку рассматривали как реальный полет независимо от времени, когда он фактически состоится — в этом году или через три года. Девиз суворовский: тяжело в учении, легко в бою.

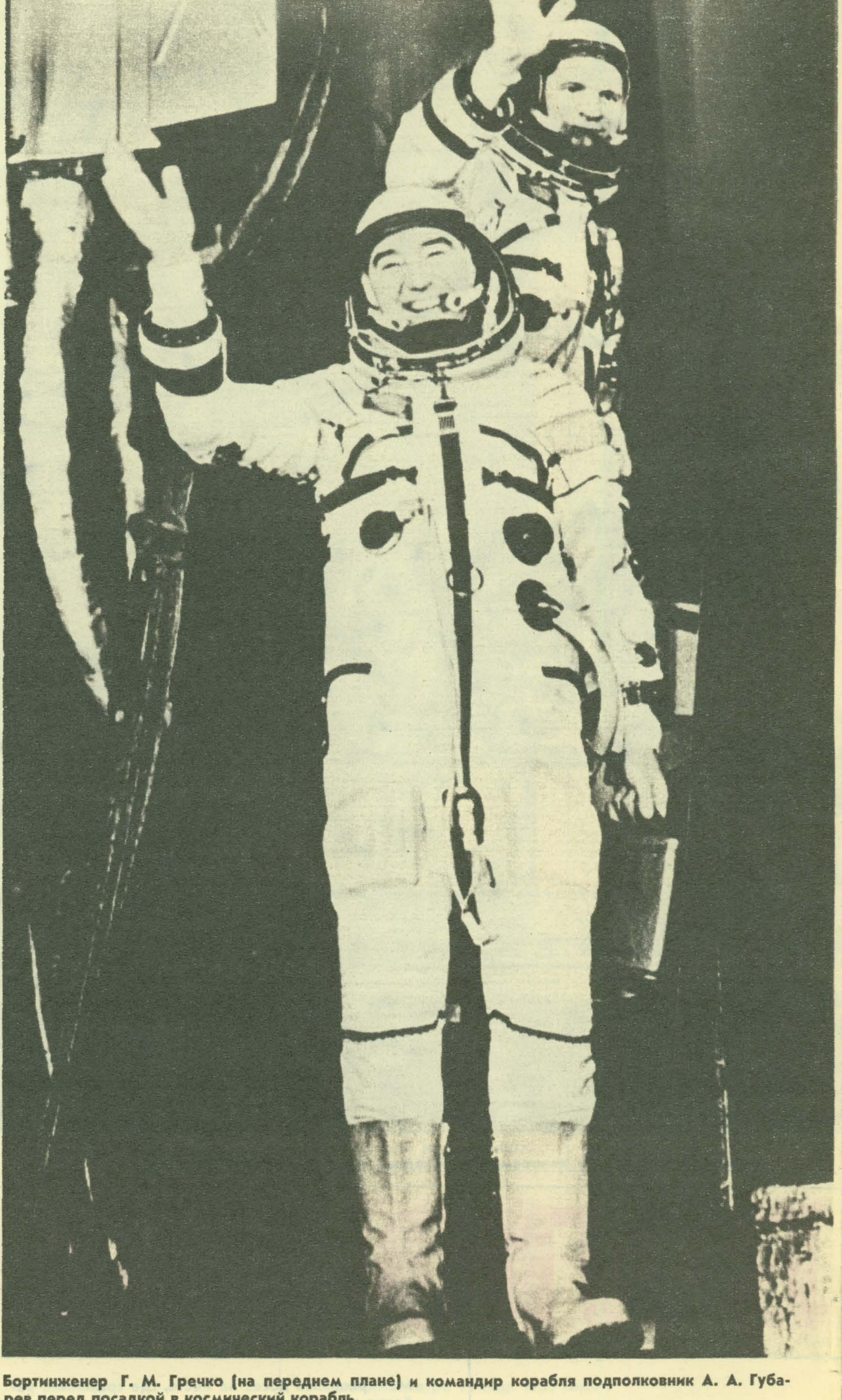
— И все-таки, Алексей Александрович, о себе, о пути в космос?

— Ничего такого яркого, броского не было. Сказать, что мечтал о полете в космос? Нет, не мечтал. Хотел с юности стать летчиком — это вот правда. Став летчиком, делал все, чтобы не отставать от других, и осваивал новые, современные типы самолетов.

Беседу с подполковником Алексеем Александровичем Губаревым дополняют строки из его характеристик во время службы в одной из эскадрилий Черноморского флота: «...Капитан Губарев в воздухе спокоен и инициативен. Решения принимает быстро и правильно. В продолжительном полете вынослив».

Возможно, поводом для этой характеристики послужил трудный случай в его летной жизни. Перед авиационным полком, где служил Губарев, была поставлена задача в минимальное время подняться в воздух, нанести удар по «противнику» и быстро вернуться на аэродром.

— Мы звеном производим посадку,— вспоминает Алексей Губарев.— Надо идти как можно ближе друг к другу. Погода тихая, безоблачная. Жара достигала 30 градусов, если не более. Захожу на посадку и вижу, что струя отработанных газов от впереди идущего самолета как бы висит на месте, и на малой высоте

Бортинженер Г. М. Гречко (на переднем плане) и командир корабля подполковник А. А. Губарев перед посадкой в космический корабль.

Телефото А. Пушкарева (ТАСС).

порядка ста пятидесяти метров попадаю в эту струю. Как сейчас помню этот момент. Машина неуправляема. Ее бросает с левого на правое крыло. Прибавляю оборотов двигателю. И когда самолет бросило влево, он выскочил из струи. Я ушел на второй круг. Когда произвел посадку, к самолету подбежал взволнованный командир: «Поздравляю тебя с вторым рождением».

Наступил 1962 год. 20 марта судьба круто повернула жизнь летчика Губарева. Вызвавший его в этот день генерал начал разговор издалека:

— Как вам летается, товарищ Губарев?

— Отлично, товарищ генерал. Машины замечательные. Люди в эскадрилье один к одному.

— Ну, а если бы вас спросили: хотите в космонавты?

Летчик опешил от неожиданности, а потом ответил:

— Разве найдется такой человек в авиации, который не хотел бы стать космонавтом. Только, наверное, я опоздал. И возрастом я постарше Гагарина, да и здоровьем ему не ровня. У меня — среднее.

Потом летчик написал рапорт. Прошел медкомиссию. В январе 1963 года вместе с «новобранцами» — Владимиром Шаталовым, Анатолием Филипченко, Георгием Добровольским, Юрием Артюхиным, Львом Деминым и другими — стал космонавтом-слушателем. Пришлось взяться за учебу, начать неведомые ранее тренировки, изучать новейшую космическую технику. Экзамен, чтобы стать летчиком-космонавтом без приставки «слушатель», был на редкость строжайшим...

Георгий Гречко — ленинградец. В 1955 году он с отличием окончил механический институт. Судьба привела его после окончания вуза в конструкторское бюро, которым руководил С. П. Королев. С первых дней работы молодой инженер проявил себя как способный и инициативный специалист.

— Может, расскажете подробнее хотя бы об одном дне из этих лет своей жизни?

— Пожалуй. Я работал в группе специалистов по заправке баков ракет топливом. Это сложный процесс, занимающий довольно много времени и требующий высокой точности. Как известно, технология заправки регламентирована инструкцией. Наша задача состояла в том, чтобы безукоснительно руководствоваться ею. Однажды на космодром незадолго до пуска одной из ракет пришла новая инструкция. Когда начал сравнивать ее с прежней, то один из пунктов новой инструкции вызвал сомнение. Кое-что пересчитал и пришел к выводу, что в этом документе налицо явная неточность. Непосредственного моего начальства рядом не оказалось, обратиться было не к кому, а время между тем, как всегда, поджимало. Набравшись смелости, пошел докладывать академику Королеву. Документ подписан крупными специалистами, знатоками своего дела. А тут явился я — неоперившийся специалист.

Сергей Павлович дослушал мои доводы до конца, как любил делать это всегда, а потом сказал:

— Надо подумать, надо подумать. Я вас соединю сейчас с Москвой, с теми, кто подписал эту инструкцию.

С того конца провода мне ответили примерно так: «Ждите, пересчитаем, чтобы рассеять ваши сомнения, подсказать вам, как надо читать документы».

Сижу полчаса, час. Где-то к концу второго Москва позвонила. Слышу голос одного из известных специалистов. Он признает, что в инструкцию действительно вкралась неточность.

— А как же реагировал на все это академик Королев?

— Он сказал свое любимое: «Молодец!» А что он говорил потом авторам инструкции, не знаю. Могу только предполагать. Взыскивать он умел, невзирая на ранги и ученые степени.

— А какова судьба инструкции?

— Группа специалистов еще раз тщательнейшим образом пересмотрела ее. В результате появился более совершенный метод заправки ракет топливом. Я рассказал вам об этом эпизоде с единственной целью — показать, как внимательно относился Сергей Павлович к любым замечаниям. Он очень радовался, когда мы, молодые инженеры, как говорится, лезли во все дыры и имели обо всем свое собственное суждение. Академик Королев нередко приглашал нас к себе в маленький деревянный коттедж, где он жил в дни подготовки и проведения пусков ракет. Его беседы о планах изучения и освоения космоса, его задушевные рассказы о пути, которым он шел в ракетную и космическую технику, остались в нашей памяти на всю жизнь.

— Какова была тема вашей кандидатской диссертации?

— Она тоже детище идей Королева. Известно, что мысль Главного конструктора, его ближайших сотрудников — видных ученых, была занята Луной. Первая задача — достижение Луны ракетой — была успешно решена еще в 1959 году. Труднее оказалась вторая: мягко высадить на лунную поверхность автоматическую станцию. Многие крупные специалисты, а с ними мы, молодые, бились над осуществлением этой задачи. Мне кое-что удалось привнести в разработку системы посадки и, в частности, «Луны-9» и «Луны-13». После этого моя кандидатская диссертация легко получила право на жизнь.

КОСМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Наше знакомство с макетом «Салюта-4» состоялось незадолго до старта орбитальной станции. Первое впечатление — передо мной фантастическая многоглазая птица с двумя крыльями и гребешком. Тело «птицы» — три цилиндра разных диаметров, объединенных в один комплекс. «Крылья» и «гребешок» — панели солнечных батарей, а «глаза» — иллюминаторы. На одном из цилиндров четко написано: «Салют».

— Прошу,— приглашает нас инженер-инструктор, один из тех, кто готовил к полету Алексея Губарева и Георгия Гречко.

По металлической лесенке, предварительно сняв обувь, поднимаемся на площадку к входному люку «Салюта», а затем попадаем в небольшой отсек.

— Это переходный отсек,— объясняет инженер.— После стыковки корабля «Союз» со станцией, сняв скафандры, экипаж переходит сюда, где мы сейчас находимся.

Через люк, ведущий в следующее помещение, хорошо видна панорама орбитальной станции. Довольно большое помещение, напоминающее продолговатую прямоугольную комнату. Вдоль стен ее слева и справа размещены аппаратура и оборудование. В торцевой части отсека под люком, через который мы смотрим, виден Центральный пост управления.

— Как велик объем всей лаборатории?

— Вместе с кораблем — около ста кубических метров. Общий вес — свыше 25 тонн. Но вернемся к отсеку. Хотя он и назван «переходным», его назначение этим не исчерпывается. В нем размещена часть научной аппаратуры. Таким образом, это рабочее место для проведения запланированных экспериментов и опытов.

Вслед за гидом спускаюсь в рабочий отсек. Инженер садится в кресло командира корабля, а я — бортинженера.

Гид возможно популярнее рассказывает о назначении Центрального поста. Отсюда осуществляется управление полетом, работой всех систем и, в частности, системой ориентации станции в пространстве, а частично и научной аппаратурой.

— Расскажите, как освещается, отапливается космическая лаборатория?

— Обязанности электростанции «Салют» выполняют солнечные батареи. Общая площадь их панелей — шестьдесят квадратных метров. Они перерабатывают солнечную энергию непосредственно в электрическую. Имеются также буферные аккумуляторные батареи.

— Вы не сказали о климате.

— Температура в жилых объемах обычная, земная — до 25 градусов Цельсия. Тепло дает солнце. Барометрическое давление в отсеках в пределах 760—800 миллиметров ртутного столба. Системы терморегулирования и жизнеобеспечения предоставляют космонавтам фактически земной комфорт.

Инженер просит меня развернуться в кресле в сторону, противоположную Центральному посту управления. Передо мной небольшая тумба, покрытая белым пластиком. Рабочий стол. Внизу ее — бортовая документация. Но на этом столе можно и поесть. Благо кухня рядом. Несколько минут, и пища подогрета... Тут можно и напиться «посеребренной» водой, которая не портится.

Для пищи есть специальные контейнеры-холодильники. Продукты могут храниться в них длительное время, не теряя своей калорийности и вкусовых качеств.

Обращаю внимание, что на стенах рабочего отсека множество различных поручней, петель, карманов. Поручни в известной мере служат «дорогами». Они помогают космонавтам переходить с одного места в другое, фиксироваться у того или иного научного прибора, бортовой системы.

В завершающей части рабочего отсека — своеобразная спортплощадка, оборудованная комплексом средств для физических упражнений и медицинских исследований. Чуть позади спортплощадки — небольшие спальные места для отдыха космонавтов. Над ними тонкая сетка вроде как от комаров. Она предохраняет спящего космонавта от попадания в дыхательные пути различных частиц, плавающих в невесомости.

— Как известно, в нашей программе немало научных экспериментов, связанных с фундаментальными и прикладными науками,— говорил перед полетом Алексей Губарев.— Поэтому мы во всех деталях изучили все, что сделали в этом плане экипажи «Салюта-1» и «Салюта-3». Взять из опыта все лучшее, закрепить и развить его — вот что хочется сделать нам с Георгием Михайловичем во время работы в космосе.

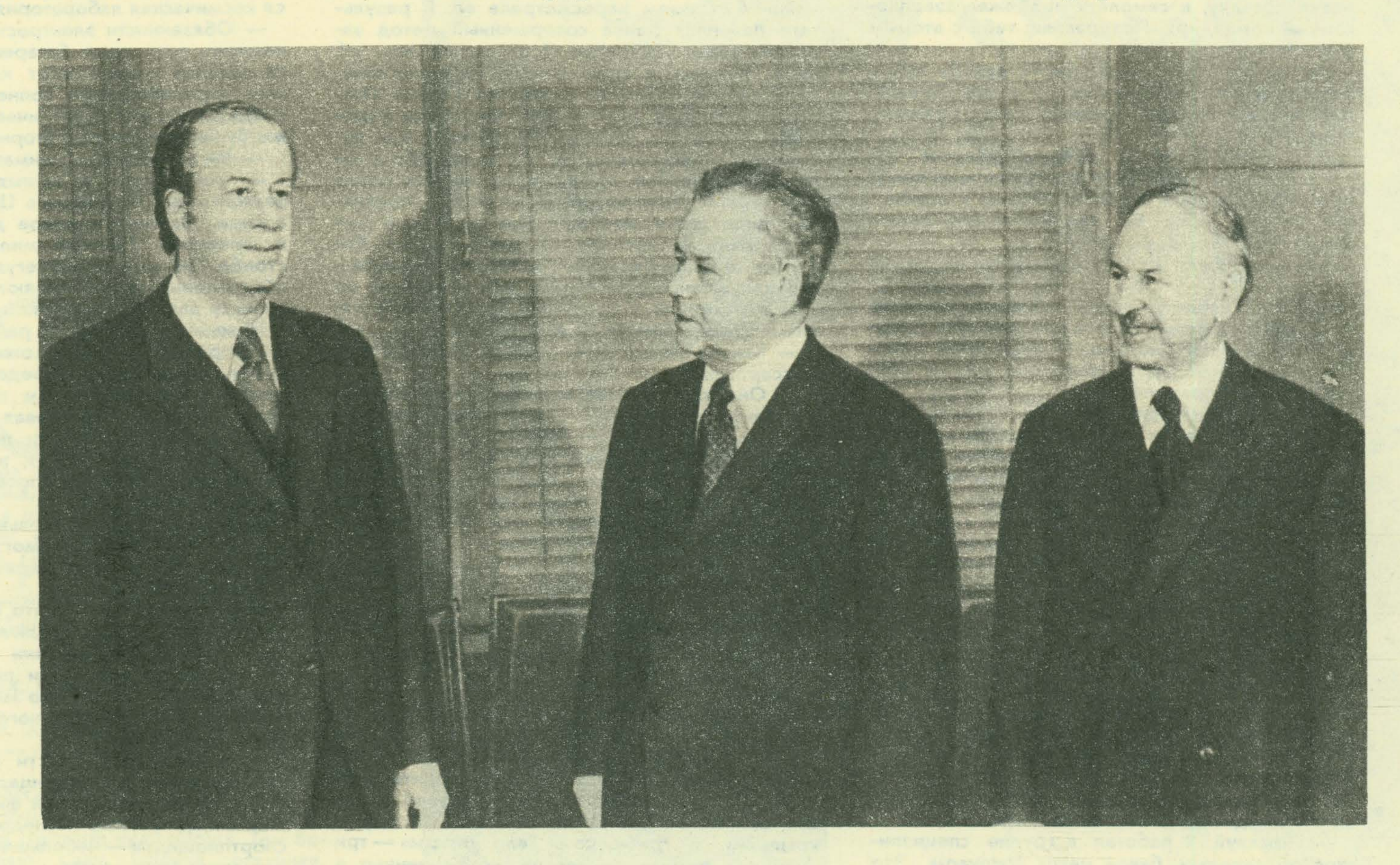
Как вся наша партия, весь наш народ, мы, космонавты, горячо поддерживаем Обращение ЦК КПСС. Сделаем все, чтобы и наша «космическая» пятилетка была успешно выполнена, а наша Родина стала еще богаче и сильнее.

— В программу, кроме медицинских экспериментов, включены опыты, имеющие практическое значение для удовлетворения хозяйственных потребностей нашей страны,— говорил бортинженер Георгий Гречко.— Это наблюдения и съемки геолого-морфологических объектов земной поверхности, атмосферных образований и явлений. Кроме того, нам запрограммировано исследовать физические процессы и явления, происходящие в космосе. Изучение из космоса ресурсов нашей планеты с тем, чтобы обеспечить их разумное использование,— задача не одного дня и не одного народа. И мы рады содействовать решению этой глобальной задачи.

Звездный городок — Москва.

КОСМОСЕ

В АТМОСФЕРЕ СЕРДЕЧНОСТИ И ДРУЖБЫ

ПЕВЕЦ РЕВОЛЮЦИИ

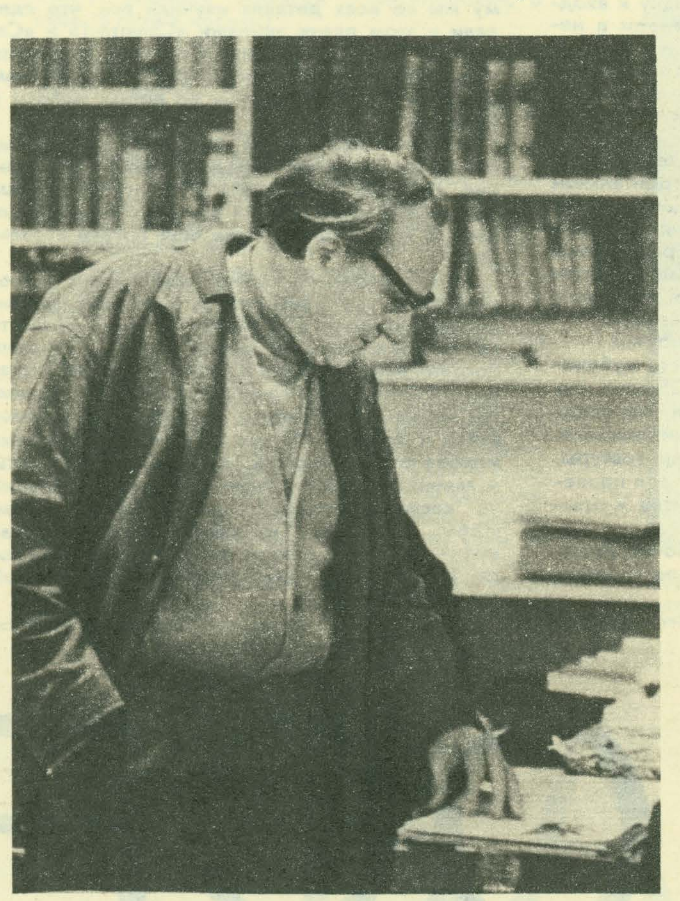

Фото Дм. Бальтерманца.

Откуда-то издалека в комсомольскую юность вместе с темно-синей «тельмановкой», которую мы в ту пору носили чуть набекрень, вошел чуть хрипловатый, резкий голос немецкого певца. Вошел вместе со словами «Рот фронт», с именем Эрнста Тельмана. Это был революционный певец Эрнст Буш, чей голос все больше вдохновлял ряды сражающегося на планете пролетариата. Его голос словно был вырублен в Германии после прихода к власти фашизма. Но он возникал в сражавшемся Мадриде и в горах Гвадалахары.

— Линкс!
— Линкс!
— Линкс!

Звучали слова «Левого марша» Владимира Маяковского в немецком переводе.

Так же звучал на всей планете «Марш интернациональных бригад», объединяя тысячи и тысячи коммунистов, сплачивая их в одно целое для новых и новых битв.

...И я помню военную морозную зиму в Москве. Один из вечеров в небольшом зале Центрального Дома литераторов. Поэты-фронтовики, по тем или иным причинам оказавшиеся в Москве, встретились с певцом-антифашистом Эрнстом Бушем, чьи песни и в годы священной войны гремели на планете. Это было уже более тридцати лет назад. Но до сих пор помнится все тот же — его никогда и ни с кем не спутаешь — голос Эрнста Буша. Нас было не много в зале. И это не был концерт, а встреча боевых друзей. Изредка только звучала песня под аккомпанемент пианино. А дальше шел разговор, в котором мы словно читали главы повести красивой и благородной жизни Эрнста Буша. Но над всем этим витали огненные слова песни Лебедева-Кумача и Александрова «Священная война», исполненной в тот вечер Бушем.

...Дважды за последние годы побывал я в Берлине в гостях у Эрнста Буша. И каждый раз окунались мы в стихию революционной песни в большой, сплошь заставленной книжными шкафами комнате, где возле окна стоял рояль, а в стороне от него на первый взгляд грубовато сделанный длинный стол, который как бы говорил о том, что здесь, в этой песенной лаборатории, происходят частые творческие встречи. Вот и в первую встречу в Берлине мы застали у Буша, сидящего за роялем, молодого музыканта.

— Готовим программу памяти моего друга Иоганнеса Бехера,— сказал Буш,— прошло десять лет со дня его смерти... Десять лет,— повторил он чуть печально. — Это огромная работа. Мы выбрали три четверостишия из его прекрасных стихов.

А вскоре зазвучал, уже на патефонной пластинке, голос певца:

— Линкс!
— Линкс!
— Линкс!

Подвижный и неутомимый, в светло-коричневых мягких вельветовых брюках

В ЦК КПСС состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева и заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. С. Шапошникова с Первым секретарем ЦК Коммунистической партии Уругвая Р. Арисменди.

Во время беседы Р. Арисменди выразил глубокую благодарность советскому народу, КПСС, ее ленинскому Центральному Комитету, Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу за широкую пролетарскую солидарность с коммунистами и всеми демократами Уругвая и, в частности, за действенную помощь в борьбе за его освобождение.

Товарищ Р. Арисменди заявил о полной поддержке мероприятий КПСС по претворению в жизнь Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС.

Делегация КПСС поблагодарила Р. Арисменди за высокую оценку политики КПСС и Советского правительства. Было подчеркнуто, что КПСС и впредь будет развивать движение солидарности с патриотами Уругвая, Чили и других стран, ведущими борьбу против реакции и империализма, за мир, демократию и социальный прогресс.

Встреча прошла в атмосфере сердечности и дружбы, характерной для отношений между КПСС и Компартией Уругвая.

Перед началом беседы.

Фото В. Егорова (ТАСС).

и куртке, Буш ходил по комнате. С пластинок звучали песни советских композиторов Блантера, Соловьева-Седого, Александрова, Новикова...

И вдруг на русском языке, с легким немецким акцентом в комнату ворвался голос Буша:

— От края и до края,
От моря и до моря...

Стоявший у окна Буш повернулся к нам. Лучи воспоминаний сияли в его глазах.

— Иван Дзержинский,— сказал он многозначительно, приглашая к столу.

Когда мы прощались, он протянул несколько пластинок.

— Передайте привет Сигизмунду Кацу. Я с удовольствием пел вашу с ним песню «Дай руку, товарищ далекий». Она тоже здесь,— сказал он, указывая на пакет с пластинками.

Большая песня всегда ходит рядом с большой идеей.

Сын своего времени, революционный певец Эрнст Буш в эти дни отмечает 75-летие со дня рождения. Можно смело сказать, что это не только его личная дата. Это праздник всех тех, кто с голоса Эрнста Буша вместе с мелодией запоминал и слова революционных песен. Такие песни можно петь только тогда, когда эти слова прошли через сердце, являются твоими личными.

Песни Эрнста Буша были, есть и всегда будут личными для миллионов людей земного шара, ведущих революционный бой на всей планете.

Анатолий СОФРОНОВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ОПАСНЫЕ РЕЦИДИВЫ

Дмитрий ВОЛЬСКИЙ

...В один из январских дней, жарких и душных в этих широтах, с базы Субик-бей на Филиппинах вышла эскадра американских военных кораблей во главе с атомным авианосцем «Энтерпрайз». Никто, кроме командования, не знал, куда и для чего направилась эта армада. К берегам Южного Вьетнама, передало одно агентство. В Индийский океан, внесло поправку другое. Нет, дальше — к зоне Персидского залива, сообщило третье.

Каждая из этих версий могла выглядеть вполне правдоподобной: империалистические круги пытаются поставить в повестку дня вопрос о вооружённом вмешательстве и на Индокитайском полуострове и на Ближнем Востоке.

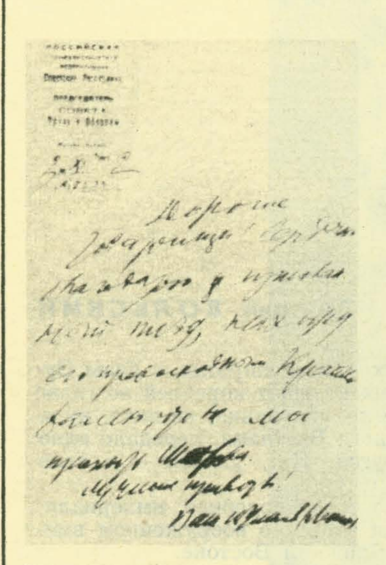
Угрозы оккупации арабских стран, «где мало людей и мало деревьев, но много нефти», в самой резкой форме высказали некоторые органы американской печати. Возможность такой интервенции не исключил в своем нашумевшем интервью журналу «Бизнес уик» и государственный секретарь Г. Киссинджер, а представитель США в военном комитете НАТО адмирал Дж. Уэйнел, ссылаясь на это интервью, заявил: «Задача вооруженных сил как раз и состоит в том, чтобы обеспечить американские нефтяные интересы». Информированная американская газета «Вашингтон пост» выступила с «предположениями», что эта их «задача» распространяется и на оказание поддержки шатающемуся режиму Тхиеу в Южном Вьетнаме. Газета высказала эти «предположения» не по наитию, а на основании достоверных фактов: дислоцированная на Окинаве морская пехота, считающаяся «краеугольным камнем стратегических сил США на Тихом океане», была приведена в состояние боевой готовности «в связи с возросшим военным напряжением в Южном Вьетнаме». Вскоре же, по сообщениям печати, началась переброска американских войск и техники с Окинавы на остров Диего-Гарсия в Индийском океане, где создается крупная база Пентагона. Короче говоря, кое-кто хочет снова «завести» военный механизм империализма в южных морях на полный оборот...

Империалистические круги не хотят считаться с уроками столь недавнего прошлого. Словно и не было провала американской авантюры на вьетнамской земле! Как будто еще два года назад Вашингтон не поставил свою подпись под Парижским соглашением, а конгресс США не запретил в 1973 году всякую «боевую деятельность американских вооруженных сил» в Индокитае. Однако всего этого не вычеркнешь из истории 70-х годов XX века, как не вычеркнешь из нее и поражений империалистической политики в арабском мире, народы которого наглядно показали израильским агрессорам и нефтяным магнатам твердую решимость отстоять свои законные права.

Рушатся последние рубежи колониализма, принципы мирного сосуществования, равноправия всех государств внедряются в международную практику, реальностью стал поворот к разрядке напряженности, неуклонно крепнут дружественные связи развивающихся стран с Советским Союзом, социалистическим содружеством. В этих условиях военный шантаж становится все более рискованным делом. И тем не менее определенные круги в США хотели бы пойти на такой риск. Думается, дело тут не только в давлении на них военно-промышленного комплекса. Есть и другие причины. Спад производства в США и других ведущих капиталистических странах, безудержный рост инфляции и безработицы, нехватка нефти и вообще источников энергии — словом, все те экономические тяготы, которые переживает сейчас капиталистический Запад, побуждают некоторых его политических капитанов искать «козла отпущения», чтобы попытаться обернуть против него недовольство масс. Потому-то и пущена в ход теория об «удушении промышленного (читай в данном случае: капиталистического.— **Д. В.**) мира» развивающимися странами — поставщиками сырья. Именно эта концепция, как видно, в частности, из упоминавшегося интервью Г. Киссинджера, и служит обоснованием для военных угроз молодым государствам, то есть тем самым государствам, чью экономику действительно душил и пытается продолжать душить международный монополистический капитал. Напомним хотя бы, что только на эксплуатации нефти стран Персидского залива американские монополии ежегодно наживали до недавнего времени 900 миллионов долларов, а английские — 200 миллионов фунтов. Но, как показывает историческая практика, грабеж развивающихся стран никогда не помогал излечить недуги капиталистического хозяйства, а, напротив, еще больше обострял все его противоречия. Недаром многие союзники США по НАТО поспешили отмежеваться от угроз нефтедобывающим странам. Эти угрозы вызвали весьма нервозную реакцию и в американском конгрессе. И уж без всякого, мягко говоря, энтузиазма воспринял конгресс просьбу об увеличении военной помощи Сайгону.

Нет, не так-то легко в наше время возродить пресловутую политику силы. Но рецидивы этой давно изжившей себя политики, где бы она ни проявлялась, очень опасны: они мешают решать главную задачу, стоящую перед нынешним поколением людей,— обеспечить долговременное, надежное и повсеместное оздоровление политического климата в мире.

«МОЖЕМ ДОСТИГАТЬ, ЧЕГО ХОТИМ»

Фотокопия ответа В. И. Ленина петроградским текстильщикам.

А. А. Короткова и Д. В. Бехтин возле пледа, подаренного Владимиру Ильичу.

Фото В. Владимирова.

К. ЧЕРЕВКОВ

В одном из моих блокнотов есть такая запись: «Плед для В. И. Ленина. Кто делал его, на какой фабрике? Отыскать людей, причастных к этому». И вот передо мной два документа: письмо петроградских текстильщиков Владимиру Ильичу Ленину и его ответ на это письмо. Подлинники документов хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

За несколько дней до празднования пятилетия Советской власти Петроградский текстильный трест прислал главе Советского государства плед, «сработанный на одной из... фабрик». Владимир Ильич, выражая свою сердечную благодарность за присланный плед, назвал человека, который имел прямое отношение к подарку текстильщиков. Ленин писал: «Крайне жалею, что не мог принять Шорова», которому, судя по всему, и было поручено отвезти плед в Кремль.

Из книги «Весь Петроград», хранящейся в Ленинградской публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, я выписал адрес «Петротекстиля». Оказалось, что он размещался в том доме на Невском, где сейчас находится промышленное объединение «Лентекстиль». Генеральный его директор Леонид Кириллович Михайлов пригласил к себе ветеранов труда и вместе с ними перебирал в памяти тех, кто мог бы в 1922 году ткать шерстяные пледы.

— Пожалуй, делать их могли только на фабрике, принадлежавшей до революции английскому капиталисту Торнтону. Сейчас это крупный комбинат тонких и технических сукон имени Эрнста Тельмана.

— А не слыхали вы о Шорове, которого называет Владимир Ильич в своем ответе текстильщикам?

— К сожалению, я не был знаком с ним. Но слыхал о нем как о председателе треста «Петротекстиль». Пожалуй, о Шорове вам сможет рассказать старейший наш текстильщик, ветеран Коммунистической партии Дмитрий Васильевич Бехтин. Ему вчера исполнилось восемьдесят два года. Но память у него молодецкая. Он многих знает.

Звоню Дмитрию Васильевичу. «Да, Бехтин слушает». Неужели этому человеку за восемьдесят? Речь четкая, голос звучный.

— Приезжайте хоть сейчас. Я тот плед держал в своих руках...

Бехтин рассказывает не торопясь, припоминая детали: да, шерстяные пледы делали тогда за Невской заставой, на бывшей фабрике Чарльза Торнтона. Уже в тот первый мирный, послевоенный год Советской республики, когда промышленность переживала тяжелую разруху, новые хозяева — питерские рабочие старались работать не хуже, чем раньше. И усилия их превзошли все ожидания: по своей отделке и качеству пледы оказались лучше торнтоновских. Позже, на международной выставке, это признал и сам бывший владелец фабрики.

Дмитрий Васильевич извинился, вышел в соседнюю комнату и тотчас вернулся оттуда с книгой в синей суперобложке.

— Прочитайте, что тогда писали текстильщики В. И. Ленину:

«Дорогой и глубокоуважаемый Владимир Ильич!

Петроградский текстильный трест, в свою годовщину вместе со своим горячим приветом, шлет Вам плед, сработанный на одной из его фабрик.

Петротекстиль хочет, чтобы Вы, наш дорогой, ощутили от нашего скромного подарка вместе с физическим теплом и то рабочее сердечное тепло, которым Вас хочется окутать, а также и обратили внимание на то, что в условиях крайней изношенности, разрухи, недохваток и кризисов мы работаем нисколько не хуже довоенного, а следовательно, можем достигать, чего хотим».

— Можно сказать, это своеобразный трудовой рапорт вождю. Комбинат имени Эрнста Тельмана и теперь славится высоким качеством своих тканей. Причем хочется уточнить, что плед, подаренный Ленину, не был каким-то особенным, изготовленным по специальному заказу. Его взяли прямо со склада, и ничем он не отличался от других. Тем самым рабочие хотели подчеркнуть свое умение выпускать всю продукцию первым сортом.

— Вы сказали, что видели этот плед?

— Как раз в то время я приехал в Москву по служебным делам и зашел в представительство «Петротекстиля», помещалось оно на Ильинке, в старом Гостином дворе. Тут я и увидел, как люди, и знакомые мне и незнакомые, внимательно рассматривают плед. Был здесь и председатель «Петротекстиля» Шоров, которому предстояло отвезти плед в Кремль...

Обремененный государственными заботами, Владимир Ильич не смог найти время, чтобы встретиться с питерскими текстильщиками. Но через несколько дней ответил им теплым письмом:

«Дорогие товарищи! Сердечно благодарю за присланный плед, нахожу его превосходным. Крайне жалею, что не мог принять Шорова.

Лучшие приветы!

Ваш В. Ульянов (Ленин)».

— Где же этот плед сейчас? — спрашиваю Дмитрия Васильевича.

Бехтин пожал плечами.

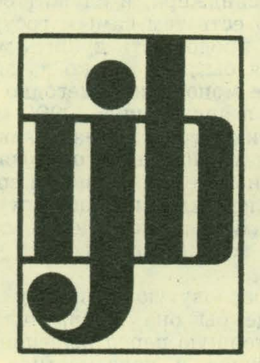
И тут мы решили позвонить в Москву Маргарите Васильевне Фофановой, работавшей тогда в Совнаркоме.

— Я вам советую поговорить с Анной Александровной Коротковой, заведующей фондами Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина. Она ведает фондами более двадцати лет.

Встреча с Коротковой произошла в тот же день. Оказывается, плед вернулся в город, где был изготовлен, — в Ленинград!

— Он самый, точно он,— заволновался, увидев плед, Дмитрий Васильевич. И долго еще глядел старый текстильщик на плед, вспоминая тот день, когда увидел его впервые в Москве.

В МЮНХЕНЕ КНИЖНОМ

Жители баварской столицы теперь воспринимают это как должное, как вполне обычное явление: в центре города, на бойкой Кауфингерштрассе, в отделе подарков универсального магазина «Кепа», продаются переведенные московским издательством «Прогресс» сказки А. Волкова, так полюбившиеся нашей детворе. Мне довелось быть редактором русских изданий этих книг, и видеть это было вдвойне приятно: потому что два года назад, когда я находился в Мюнхене по случаю открытия первой в истории Баварии выставки советских книг для детей и юношества, ничего подобного не было. Советских людей здесь почти не видели с момента окончания войны, а русскую речь мюнхенцы принимали за словенскую или хорватскую. Не были еще изданы тогда различными западногерманскими издательствами в переводе Ганса Бауманна советские детские книги: «Часы» Л. Пантелеева, «Володины братья» Ю. Коринца, «Беглец» Н. Дубова, «Листобой» Ю. Коваля и другие. А совсем недавно эти издания с пометкой «выпуск 1974 года» красовались в центре экспозиции ФРГ на 25-й Международной выставке детской и юношеской литературы, организованной Международной юношеской библиотекой совместно с Баварской государственной библиотекой.

Советскую делегацию на 25-й выставке детской книги возглавила заместитель председателя Госкомиздата РСФСР по детской литературе Т. А. Куценко. Экспозицию СССР с интересом осматривали посетители выставки — дети и взрослые, с опытом работы советских издательств знакомились делегаты из Болгарии, Югославии, США, Франции и других стран. На выставке всегда было много молодежи — студентов, молодых рабочих, представителей ряда прогрессивных организаций.

Тому, кто бывал в Мюнхене прежде, сразу бросаются в глаза перемены: творческая интеллигенция, издатели и переводчики, представители книготорговых фирм стали больше интересоваться советской детской книгой, литературой братских стран социализма. Беседовавшие со мной деятели книгоиздательства и просвещения отмечали растущую популярность советских книг среди молодежи ФРГ, и, хотя еще редки случаи выпуска здесь какой-нибудь советской книги, положение явно меняется в лучшую сторону. Как сказал главный редактор издательства «Арена» из города Вюрцбурга г-н Ойген Бек, сейчас, как никогда раньше, имеется гораздо больше предпосылок для тесного контакта между издателями и переводчиками обеих стран.

Ю. НОВИКОВ,
спец. корр. «Огонька».

Мюнхен — Москва.

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ПОНОМАРЕВ
К 70-летию со дня рождения

Фото И. ФИЛАТОВА

ВАРШАВА НАПЕРЕКОР ВСЕМУ

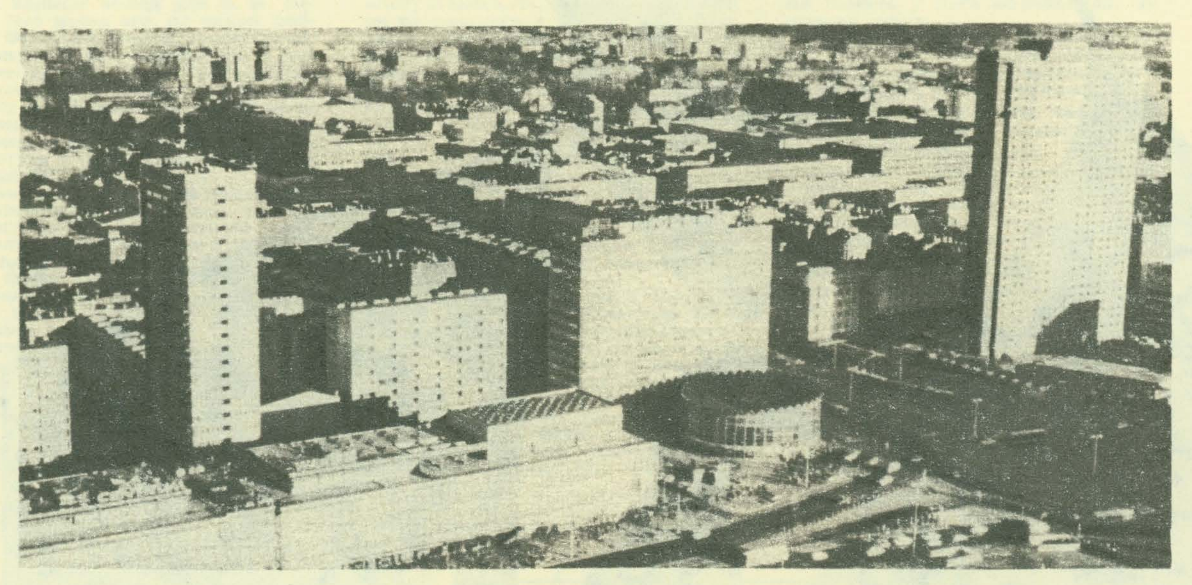
Варшава. Первые дни свободы.
Фото С. Лоскутова (ТАСС).

Этот город должен был исчезнуть с лица земли. Фашисты уничтожали его методично и жестоко. Памятники, библиотеки, мосты через Вислу — вся семивековая история Варшавы оказалась погребенной под грудой развалин. По разработанному Гитлером плану должна была остаться лишь географическая точка на карте, провинциальный город площадью не более семи квадратных километров. Но в этих расчетах не принималось во внимание главное — воля подлинного хозяина Варшавы — ее населения.

17 января 1945 года части Советской Армии и Войска польского освободили Варшаву. Сюда вернулись люди, вернулась жизнь. При виде 20 миллионов кубических метров щебня и развалин опускались руки, некоторые задавали вопрос, не проще ли построить на другом месте новый город. «Нет! — ответили варшавяне.— Это сердце Польши, и оно будет биться здесь!»

Сегодняшняя Варшава — бурно развивающаяся столица социалистического государства, центр современной индустрии, научно-технической мысли и культуры, здесь живут почти полтора миллиона человек. Легковые автомобили, электронные приборы, качественные стали, станки — неполный перечень продукции ее предприятий.

В канун 30-летия освобождения польской столицы мы позвонили по телефону президенту Варшавы — так здесь называют ее мэра — Ежи Маевскому, который любезно согласился ответить на вопросы «Огонька».

Через тридцать лет. Фото Дм. Бальтерманца

ВОПРОС. Что подарили варшавяне к юбилею своего любимого города?

ОТВЕТ. Главный подарок, я считаю, сделали строители: 19 800 новых квартир за год — больше, чем в любом послевоенном году. В ближайшем будущем темпы строительства опередят рост населения, и это позволит осуществить принцип: каждой семье — отдельную квартиру, каждому варшавянину—отдельную комнату. Закончены главные артерии — Лазенковская трасса и Вислострада. Это начало сети транспортных магистралей, которые пересекут город. Кроме того, в предъюбилейном году промышленность столицы выпустила на четыре миллиарда злотых дополнительной продукции.

ВОПРОС. За тридцать лет население Варшавы увеличилось почти в десять раз. Каков он, современный варшавянин?

ОТВЕТ. Он молод, энергичен, вечно занят, отличается большим чувством юмора и ценит его у других. Наших горожан объединяет тот безграничный варшавский патриотизм, который позволил вернуть столицу к жизни. Это вошло в историю: в первые годы после войны жители города добровольно вынесли из руин и очистили 50 миллионов штук кирпича. Был создан Общественный фонд восстановления Варшавы, и каждый вносил свои сбережения, чтобы увидеть еще более прекрасной любимую столицу. В субботниках на сооружении Лазенковской трассы и Вислострады участвовали 800 тысяч человек. Варшавяне чувствительны ко всему, что касается их города, и, хотя сами многое критикуют, отказывают в этом праве другим. С любом замеченном недостатке они высказывают свои соображения городским властям. Мы очень ценим эту искренность и помощь.

ВОПРОС. А как вы, мэр, относитесь к своему городу?

ОТВЕТ. Уже семь лет, как я имею честь занимать этот высокий пост. Я живу в Варшаве с 1946 года и называю ее своим домом. По-человечески люблю за своеобразную атмосферу и очарование. Нет исключения среди поляков — каждому она дорога, каждый хочет видеть ее самым красивым городом в мире. А я, наверно, больше всех.

ВОПРОС. Польский поэт Константы Галчинский написал в 1949 году стихотворение о столицах-сестрах — Москве и Варшаве, об общих делах, которыми они живут. Если б эти строчки писались сейчас, о чем, по-вашему, он мог бы рассказать?

ОТВЕТ. Конечно, о нашем метро. Это самый последний пример дружбы двух городов. Я недавно беседовал с группой советских специалистов, которые будут участвовать в его строительстве. Мы получим такой же удобный вид транспорта, каким пользуются москвичи. Да и сам город расправит плечи: метро соединит с центром самые далекие окраины, и там можно будет возводить многолюдные кварталы.

Москва пришла к нам на помощь в первые же дни восстановления. Сейчас дружат наши университеты, заводы, например, имени Сверчевского и «Калибр». С помощью москвичей сооружен домостроительный комбинат. Даже проблемы городского хозяйства мы решаем вместе.

ВОПРОС. Висла — краса и гордость Варшавы. В 1945 году временный мост, сооруженный советскими саперами, вновь соединил ее берега. Какой сейчас самый красивый мост в столице?

ОТВЕТ. Конечно, Лазенковский, открытый в прошлом году. Вскоре северную часть города пересечет третья магистраль — 21-километровая Торуньская трасса, которая будет крупнейшим путепроводом Варшавы. Там, где она выйдет к Висле, взметнется самый красивый варшавский мост.

ВОПРОС. Скажите, товарищ Маевский, а что видно из окна вашего кабинета?

ОТВЕТ. Городской совет, где я сейчас нахожусь, расположен в центре, на площади Дзержинского. Это здание XIX века, восстановленное после войны в числе 710 памятников истории. Сейчас, как вы знаете, заканчивается реставрация последнего из них — Варшавского замка. Я вижу из окна памятник Феликсу Дзержинскому, открытый в 1951 году, непрерывный поток машин, торопливых прохожих. Напротив поднимаются этажи нового высотного дома. Словом, Варшава строится, Варшава живет!

Интервью провели корреспондент «Огонька» Б. Лабутин и московский корреспондент журнала «Пшиязнь» М. Сечковский.

А. Китаев.
НА СТРАЖЕ МИРА.

М. Савицкий. ПАРТИЗАНЫ.

Юрий ТЮРИН

Фото А. ГОСТЕВА.

ТАМ, НА ТОБОЛЕ

ВРЕМЕН «СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ»

В последнее время и в центральной печати и в местной бывшая столица великой земли Сибирской — Тобольск пользуется вниманием. Я не однажды бывал в Тобольске и, мне кажется, достаточно отчетливо понимаю, откуда идет это высокое чувство благодарности старинному русскому городу, вставшему на неукротимом Иртыше; откуда возникает восхищение им, неодолимая потребность воспеть и восславить его, «град Тоболеск», ворота Сибири; его бесценные сокровища; его многовековую историю — гордость и боль России; его будущее, неотрывное от преображения всей древней Югорской земли, всего Тюменского Севера.

...198 ступенек по крутой деревянной лестнице Прямского взвоза ведут от подгорной части Тобольска к вершине резко очерченного Троицкого мыса, где чеканно застыл величавый кремль — единственный в Сибири, возведенный из камня старорусскими мастерами. Они начали постройку ансамбля в 1681 году и продолжали ее десятки лет — пятиглавый Софийский собор, крепостные стены и башни, Гостиный двор, покои архиепископа. Руководил работами местный зодчий, человек удивительной и трудной судьбы, Семен Ремезов. По тем временам размах строительства был немал, да это и не удивительно: обстраивался центр огромной губернии, которая одной своей стороной упиралась в Европу, а другой граничила с Америкой.

На редкость живописен «град Тоболеск» с высоты птичьего полета — многоярусной колокольни, где устроены сейчас смотровые площадки городского музея! Некоторые писатели называли этот город «сибирским Суздалем». Красивая, но вольная аналогия: облик Тобольску придавала более смелая, широкая рука. Полукольцо могучей реки, неохватная равнина заречья, упорядоченная россыпь домов по правобережью Иртыша — какая неразрывная связь старого города и сказочно неповторимой земли! Это был особый дар у наших предков — ставить город так, что он делался частью природы, ее кровным, любимым детищем. «Лета 7095 (1587 год.— **Авт.**) при царе Федоре Ивановиче указ воеводе Данилу Чюлкову, прислано 500 человек поставити град Тоболеск. И по промыслу божию, доплыв воевода Данила Чюлков, и против устья Тоболу поставил град именем Тоболеск на горе...» Так свидетельствует летопись.

А несколькими годами раньше, в 1582 году, атаман Ермак разгромил войско хана Кучума там, где река Тобол впадает в Иртыш, открыв дорогу в «дальнюю заочную вотчину» — Сибирь. Пятнадцатиметровый памятник-обелиск отважному сыну русского народа отчетливо виден с любой смотровой площадки кремлевской колокольни. Неподалеку от обелиска Ермаку — алая каменная гвоздика пятиконечной звезды: она возложена гражданами Тобольска в память о тех, кто доблестно пал в борьбе с колчаковцами и мятежниками — эсерами и кулаками.

Если посмотреть с колокольни на север — поверх куполов Софийского собора,— то взору откроется другой Тобольск, широкая панорама его жилых массивов и новостроек, невесомая конструкция километрового моста через светло-бурый, суровый Иртыш, частокол кранов на причалах речного порта. Это Тобольск наших дней, верный и надежный друг покорителей недр тюменских.

Итак, два непохожих города: старый, заповедный, сложившийся веками, и новый, с качественно иной застройкой нагорья. Грозит ли это своего рода несовместимостью? Со временем, когда вдвое, втрое развернется строительство, не замолчит ли архитектурная летопись «Тоболеска»? Такой тревожный вопрос закономерен.

Ответ главного архитектора города-заповедника Б. М. Козлова звучит оптимистично:

— Мы отлично сознаем, что памятники истории и культуры — непреходящая ценность, что это предмет национальной гордости нашей. Так что прилегающие к старинному кремлю кварталы мы не станем застраивать, чтобы не заслонять этот оригинальнейший памятник русского зодчества, уникальный в истории культуры Сибири. Многоэтажные дома современного архитектурного стиля встанут в северной части города, где мы планируем создать центр нового Тобольска. Город наш расширит свои границы до деревни Анисимово на востоке и речного порта на севере. Он займет весьма солидную площадь — тридцать тысяч гектаров: это в два с половиной раза больше, чем сейчас. Да и население вырастет до 250 тысяч.

НА ВЕЛИКОМ ВОДНОМ ПУТИ

...Издавна плавали люди русские по Иртышу: на стругах, плотах, лодках, а затем и на колесных пароходах. Но никогда — даже когда Тобольск являлся основным перевалочным пунктом между Европейской Россией и Сибирью — не было столь оживленно на этой великой, своенравной реке (Иртыш — значит «роющий берег»).

В наши дни, когда идет невиданная дотоле битва за сибирские нефть и газ, Иртыш служит важнейшей транспортной артерией Западной Сибири. Ведь между Тобольском и Юганской Обью, где днем и ночью работают нефтяные скважины, летом практически нет надежной наземной связи. На сотни километров тянется заболоченная, донельзя засоренная буреломом тайга, где после оттаивания зимников ни пройти, ни проехать.

В Сургутском горкоме партии мне показали сравнительно небольшой, но емкий фильм Свердловской киностудии, снятый пять лет назад, в пору возведения в нефтеносном районе Приобья ЛЭП-500 — эта высоковольтная линия электропередачи проходит и через Тобольск. Кинодокументы свидетельствуют, сколь тяжко давался да и теперь дается людям каждый шаг по здешней земле. Недаром километр бетонированной дороги в этих местах оценивается по смете в миллион рублей: это куда дороже строительства подобных дорог в Центре. Местами глубина тюменских болот достигает 12 метров! Ведь не зря с горькой усмешкой говорят старожилы-нефтяники: «Если бог сотворил мир, то дьявол — Самотлор»,— они имеют в виду топи вокруг знаменитого месторождения. И вот в это непролазное летнее время надевают свои рабочие спецовки неутомимые труженики — Иртыш и Обь.

Тобольский речной порт сейчас — один из основных опорных пунктов на водном пути к нефтяным и газовым провинциям. Детище двух последних пятилеток — его «поднимали на ноги» тысячи добровольцев со всех концов страны,— он встал вровень с такими всеизвестными великанами, как порты Сургута и Нижневартовска. И когда в сумерках наш белоснежный теплоход «Ленинский комсомол», сбавив скорость, проплывал мимо его причалов, видны были причудливые очертания многочисленных кранов, в прибрежной полосе реки плясали сотни портовых огней, и на воде нам особенно хорошо было слышно, как ритмично и четко идет очередная погрузка.

Но до того, как проплыть мимо причалов порта, наш двухпалубный теплоход, став сразу беззащитным и маленьким, проскочил между темнеющими наподобие средневековых крепостных башен опорами громадного железнодорожного моста, перекинутого через русло Иртыша. Этот мост проезжает каждый, кто прибывает в Тобольск на поезде. Кажется, что особенного: мост как мост. Нет, он особенный. Он был первенцем, он стал образцом для тех, дерзновенных по инженерной мысли железнодорожных мостов, какие строятся теперь на вдвое более широкой Оби и ее протоках.

Отсутствие железной дороги в свое время «убило» Тобольск: ленту Транссибирской магистрали вывели гораздо южнее, и бывшая столица Сибири превратилась в заштатный уездный городок, в котором стало так провинциально тихо, что Временное правительство сочло за благо укрыть здесь свергнутых властителей Российской монархии — семью Романовых.

Оставив позади 220-километровый отрезок пути, первый рабочий поезд прибыл из Тюмени в Тобольск солнечным полднем 26 октября 1967 года. Машиниста Александра Горячева встречали тогда тысячи людей. Нелегко дался этот праздник. Вспоминает начальник строительства железной дороги Герой Социалистического Труда Д. И. Коротчаев:

— Наши люди пришли на трассу в суровую зиму 1966 года. Стояли морозы-«сороковики», а в незамерзающих болотах тонули автомобили и трактора. Но люди оказались из твердого сплава, ведь многие из них прошли боевую закалку на таежной трассе Абакан—Тайшет.

ГИГАНТ

Директивы XXIV съезда партии по пятилетнему плану предусматривают строительство железной дороги из Тобольска в Сургут. Затем она повернет на восток, к «нефтяной жемчужине» — Самотлору. Эта первостепенной народнохозяйственной важности стройка объявлена Всесоюзной ударной. Нынешней зимой сургутяне ждут гудка тепловоза.

Всесоюзной ударной станет и другая стройка Западной Сибири — Тобольский нефтехимический гигант.

На Тюменщине счет всему ведется на миллионы: добыче нефти, газа (тут даже на миллиарды), капиталовложениям, объему жилищного строительства. Но таких измерений здесь еще не знали. По расчетам специалистов, которые близки к завершению проекта, Тобольский нефтехимический комплекс будет одним из крупнейших.

Пока «кровь земли», приобская нефть, перерабатывается за пределами Тюменской области. Тобольский гигант явится последним и неразрывным звеном единого сверхмощного индустриального узла Западного Приобья.

...Из своей теперешней сибирской поездки я привез сувенир: подаренную мне пробирку с налитой туда черной густой жидкостью. Эти десять граммов «черного золота» — капля от стомиллионной тонны нефти, добытой в июне прошлого года на Самотлоре, с момента эксплуатации месторождения. Самотлор — это 700 действующих скважин. Это один из основных топливных центров нашей страны. Но вместе с фонтанами «черного золота» из недр Самотлора неудержимо, грозно рвется попутный газ. И покуда нет такой волшебной «бутылки», куда можно было бы загнать этого «джинна», газ попросту сжигают.

Помнится, стылой и безветренной ночью я возвращался в Нижневартовск с инженерами из Мегиона — поселка геологов и буровиков. Машина ходко шла по пустынной расчищенной автотрассе, и среди стеклянной тишины заснеженных болот и тайги, как сигнальные костры притаившихся великанов, полыхали феерически, сказочно яркие факелы: то горел попутный газ.

...Когда прошлым летом мне пришлось быть на Самотлоре, я спросил у начальника Нижневартовского НГДУ Р. И. Кузоваткина (его в шутку называют Самотлором Ивановичем):

— Скажите, Роман Иванович, неужели нельзя потушить эти костры? Сердце ноет, когда такое видишь...

— Да, это наша общая боль: она не дает и нам ни минуты покоя. Скажу откровенно: мы сейчас выбрасываем на ветер огромные средства. Каждая исчезнувшая тысяча кубометров газа—это 12 рублей народных денег. Нужны газоперерабатывающие заводы, нужна попутная индустрия.

— Вот для этих-то целей и рождается наш нефтехимический гигант,— говорит первый секретарь Тобольского горкома партии В. М. Томилов.— Попутный газ Самотлора будет расщепляться на две фракции: более легкая пойдет на энергоблоки Сургутской ГРЭС, а другая — по трубопроводу в Тобольск.

7 мая 1974 года гигант нефтехимии на Иртыше взял старт. Шофер Андрей Деменюк высыпал из своего КрАЗа первые кубометры песка на будущую строительную площадку: быть тут заводам сборного домостроения, железобетонных конструкций, керамзитового гравия. Быть тут двенадцатитысячному городу строителей нефтехимического комплекса. Они уже трудятся тут, эти люди — экскаваторщики, водители машин, студенты из стройотрядов. И мое путешествие по городу началось именно отсюда. Как бы из будущего я постепенно передвигался в прошлое: после стройплощадки наш автобус въехал в старый Тобольск, где оставила свои столь явные следы история...

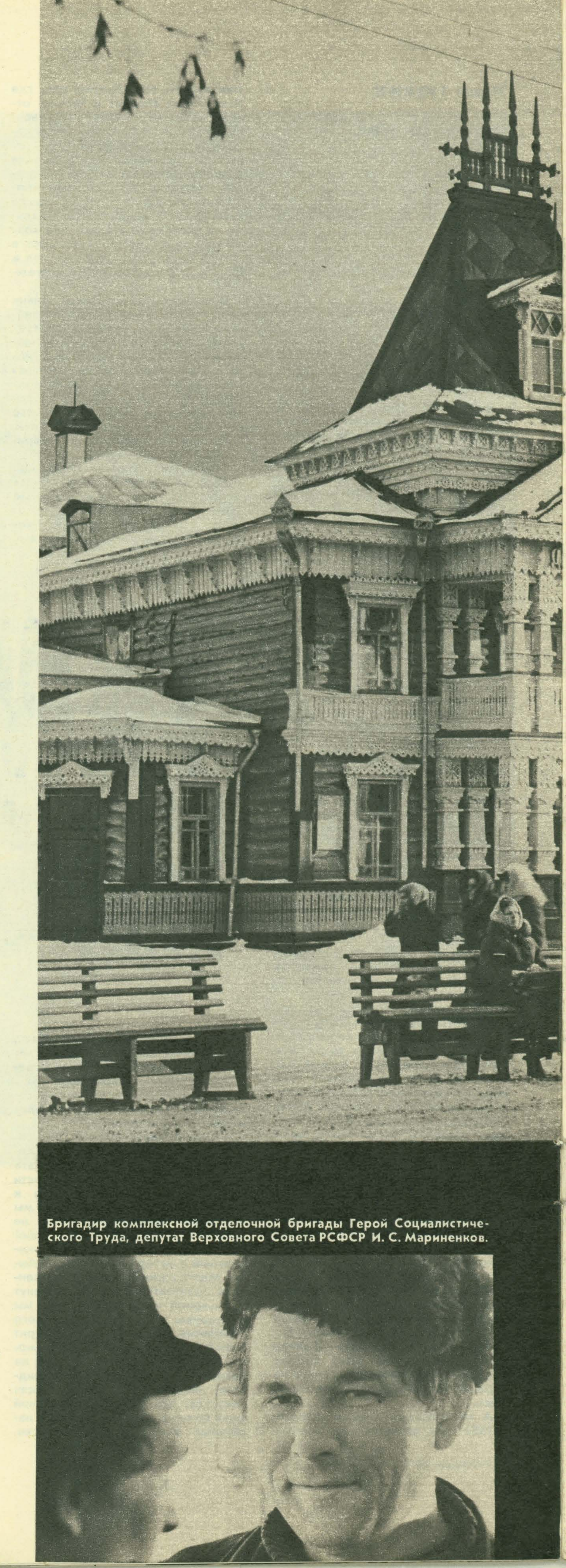
ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ НАЦИИ

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие»,— отмечал А. С. Пушкин. И, воскрешая, вспоминая историю Тобольска, мы думаем в первую очередь о друзьях и современниках великого поэта — о декабристах. Четырнадцать этих богатырей, кованных из чистой стали, как сказал о них А. И. Герцен, отбывали в разное время ссылку в Тобольске. Город сокровенно хранит память о них. Одна из улиц Тобольска названа в их честь. Заботливо оберегаются почтенные деревянные дома, где жили декабристы М. А. Фонвизин и П. Н. Свистунов. Создается мемориальный музей, который откроется в нынешнем году — к 150-летию беспримерного восстания на Сенатской площади.

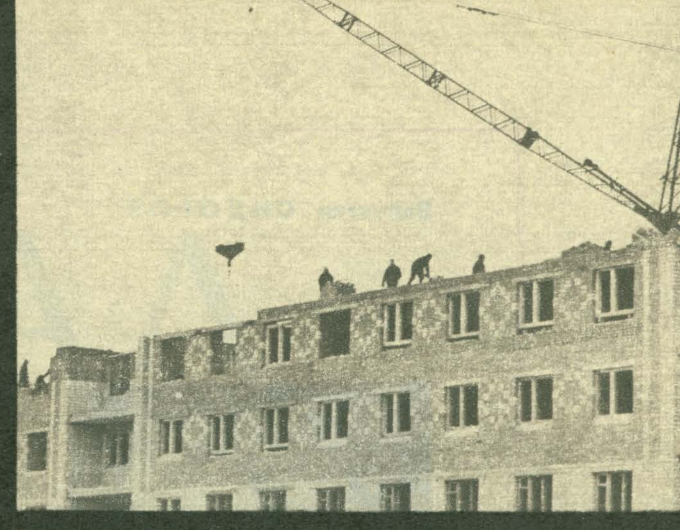
На Завальном кладбище, устроенном два века назад за городским валом (отсюда и название — Завальное), среди разросшихся деревьев — семь могил декабристов. Среди них — надгробие Вильгельма Кюхельбекера, Кюхли, поэта. Он умер в Тобольске, ослепший, нищий, веруя, что имя его не забудется Россией.

Сколько их, героев, страдальцев, прошло через «ворота Сибири»! Протяжным стоном отзывалось имя — Тобольск — в русской истории. Славянский просветитель Юрий Крижанич и неистовый протопоп Аввакум, первый русский революционер А. Н. Радищев и местный публицист П. А. Словцов, М. В. Петрашевский и Ф. М. Достоевский, Н. Г. Чернышевский и В. Г. Короленко, украинский поэт-революционер П. А. Грабовский, многие революционные народники, большевики — все они прошли через эти мрачные «сибирские ворота». Но все эти люди, честь и совесть нации, свято верили в будущее своей страны, Сибири, Тобольска...

На праздновании трехсотлетия Тобольска в 1887 году один из ораторов сказал с трибуны городской думы: «Тобольск спел свою лебединую песню. Этот маститый старец может лишь гордиться своей исторической славой». Ошибся оратор!.. Прав оказался Д. И. Менделеев, уроженец и почетный гражданин города Тобольска, предсказавший большую будущность своему родному городу: «...в Сибири широко расцветет промышленность и культура — в крае и в Тобольске будет лучше. Он должен сыграть большую роль в освоении Севера». Пророческие слова!

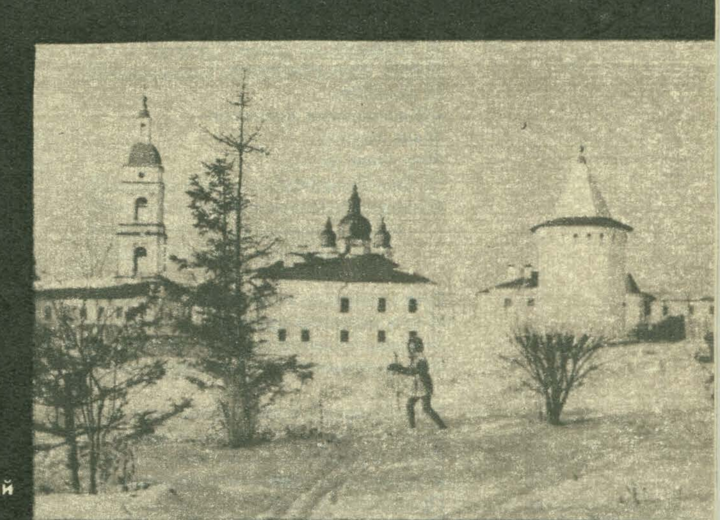
Бригадир комплексной отделочной бригады Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР И. С. Мариненков.

Город строится.

Сцена из спектакля «Угрюм-река». В ролях: Анфиса — артистка Л. Н. Титова, Прохор — М. М. Омельницкий.

Тобольский кремль.

Тобольскому драматическому театру 270 лет.

В рыбно-промысловом мореходном училище готовят штурманов и механиков дальнего плавания.

Валентин **СИДОРОВ**

НАЧАЛО

* * *

Волна вздымает
Новую волну,
И беспредельность
Не охватит разум,
И кажется,
Что ныне в жизнь одну
Десятки жизней
Воплотились сразу.

И то, что раньше было
На века,
Что было зашифровано до срока,
Сегодня лишь негромкая строка,
Короткая,
Как замыканье тока.

И потому,
Когда наш век хулят
И говорят:
«О тягостное бремя!»—
Я не пойму,
Чего они хотят,
О чем брюзжат...
О радостное время!

* * *

Она и впрямь неугасима.
И что ей наша суета!
Любовь — энергия и сила,
Что повсеместно разлита.

Она бушует по оврагам.
Она — моря.
Она — ручей.
И даже вор, грабитель, скряга
Причастны к ней,
Причастны к ней.

Но только здесь она покуда
В глухую мглу устремлена.
Но только здесь она под спудом,
Искривлена, затемнена.

Но только здесь она тревожно
Дух человеческий томит.
Иное русло непреложно
Прокладывать ей предстоит.

Ведь не навеки,
Не навеки,
Прорвавшись к нам из глубины,
Ручьи и радостные реки
Загрязнены, замутнены.

* * *

Закон незыблем и извечен,
Свободен от житейских пут:
В великий миг великой встречи
Друг друга души узнают.

И в этот миг все остальное
С прошедшим нашим заодно
Незримой властною стеною
От нас с тобой отделено.

А затихающие дали
Объемлет непонятный сон.
И мир как будто нереален,
И мир как будто невесом.

Он приглушен волною света
И непреклонной синевой.
И в нереальном мире этом
Реален только голос твой.

* * *

Начнем нашу встречу в молчаньи.
Помедлить мгновенье — не грех.
Начнем нашу встречу в мерцаньи
Старинных извилистых рек.

Свои очертанья меняя
И смутно виднеясь вдали,
Пусть время для нас измеряют
Текучие воды земли.

Безмолвно.
Лишь шорохи веток
Да всплески ночной темноты.
Да белыми точками света
Вокруг возникают цветы.

И вот уже, как обещанье,
Придвинулся к нам небосвод...
Начнем нашу встречу в молчаньи,
А слово, коль надо,
Придет.

* * *

Уйдут на дно тяжелым грузом
Надежды, замыслы, мечты.
Ведь столько минуло,
И музам
Насильно мил не станешь ты.

Как повернуть поток событий,
Продолжить прерванный рассказ?..
Склоняю голову:
— Простите
В который раз, в который раз...

* * *

Прощай, прощай, зубробизон,
Пропахший запахом полыни,
И крик истошный, крик павлиний,
Всегда вторгавшийся в мой сон!

Москва стихала за окном.
И в тот же миг проникновенно
Вдруг принималась выть гиена,
И эхо вторило кругом.

А утром солнце каждый раз
По нашим стеклам било жарко.
И суматоха зоопарка
Тебя будила в ранний час.

Нам открывался дивный вид
С вершины ржавого балкона.
Ты говорила убежденно:
— Зубробизон, конечно, спит.

А вдоль оград, лукав и горд,
Привлечь внимание стараясь,
Верблюд вышагивал, как страус,
Неся с достоинством свой горб..

Нет, нет, нам все-таки везло!
И, право слово, не случайно
Все было так необычайно,
Так первозданно, так светло!

А помнишь, помнишь: по ночам
Вокруг ни звука, ни ползвука,
Лишь камышовый кот мяукал,
И лев разбуженный ворчал.

* * *

Необычайной силы воздух,
Как будто ты воскрес опять,
И кажется:
Еще не поздно
С заглавной буквы все начать.

И, как и ты,
Томима жаждой,
Трава привстала,
Напряглась...
Дыши всей грудью,
Клеткой каждой,
А не надышишься ты всласть!

* * *

Здесь у таинственного входа
Колонны поражают взгляд.
Се — человек
И се — природа —
Таблицы древние гласят.

Плывут старинные названья,
Сверканье дивное струя.
Се — две колонны мирозданья,
Се — две основы бытия.

...И, вглядываясь, постепенно
Ты различаешь,
Узнаешь
Штрихи и контуры вселенной,
Ее эскиз,
Ее чертеж.

Но, воскрешая дух преданий,
Ты на мгновенье ослеплен
Загадкой стройных очертаний
Соединившихся колонн.

Они мерцают в небосводе
Среди зовущей глубины.
В какую высь они уходят?
В какую даль устремлены?

ВСЕХ НАЧАЛ

* * *

А небеса для нас и не стихали.
Безмолвный голос всюду узнаем.
Потоки света мы зовем стихами,
Картинами и музыкой зовем.

«СИЕ ЗВУЧАЩАЯ ЛЮБОВЬ»

1

Вот, отрешенный от всего,
Он в полумраке поднял руки.
Взмывает палочка его,
За нею —
Звуки, звуки, звуки.

Молчишь,
Дыханье затая.
Лишь дирижерский жезл мелькает,
Как будто из небытия
Он эти звуки извлекает.

Мешая явь и полусон,
В нас проникает постепенно
Глагол утраченных времен,
Язык неведомой вселенной.

Последний луч давно погас.
Исчезли небеса и земли.
А голос их тревожит нас,
А голос их меня объемлет...

2

Аккорды хлынули лавиной,
Ворвались в сумрак голубой.
Как в книге сказано старинной:
«Сие звучащая любовь».

Какое небо сотворилось
В душе твоей, в душе моей!
И радость в сердце растворилась,
И сердце растворилось в ней.

И смысл открылся глубочайший.
И мост возник передо мной
Непостижимый и звучащий,
Зовущий властно в мир иной,

Где так любовью дух наполнен
Ко всем живущим на земле,
Что о себе уже не помним,
Что забываем о себе.

3

...И наступил благословенный час.
И тишина благословенна эта.
Гудит орган
И наполняет нас
Благоуханьем хлынувшего света.

А все, что к сердцу поступало вдруг,
Исчезло,
Унесенное мгновеньем.
Восходит ввысь
Твой устремленный дух
Легко и просто,
Словно по ступеням.

Смелей, смелей!
Так вот куда влекло
И мысль и дух
С неодолимой силой.
Тебя сейчас,
Как звонкое стекло,
Насквозь дыханье вечности пронзило.

И Время прекратило свой отсчет.
И, отразив сферическое небо,
Через тебя торжественно и немо
Река Безмолвья медленно течет...

Недаром нам преданья говорят,
Что, заглушая суету и крики,
Все снился сон Сократу.
— О Сократ!
Отдайся изучению музыки!

В дневных трудах не забывался сон,
Окутанный прозрачной полумглою,
Волшебный ток, струящий над землею,
И повторялся с новой силой он.

Предутреннюю дымку наугад
Пронизывали радостные блики.
И все вокруг опять звало:
— Сократ!
Отдайся изучению музыки!..

* * *

В горячке, гомоне и гвалте —
Да что об этом говорить! —
Концерт Антонио Вивальди —
Вот что хотелось повторить.

Ведь если пристально и трезво
На ход событий поглядим,
Он был нам нужен до зарезу,
Он просто был необходим.

Я память вновь перемещаю.
Вот шум умолк и свет погас.
Я даже ныне ощущаю,
Какой покой идет на нас.

«Приход весны встречая звонким пеньем
Летают птички в голубых просторах,
И слышен плеск ручья и листьев шорох,
Колеблемых эфира дуновеньем».

Тут все твердит о пасторали.
Но я, признаться бы, едва ль,
Когда слова бы выбирали,
Сказал, что это пастораль.
Нет, тут совсем, совсем другое.
Любая схема наша — чушь!

Приюта, света и покоя
Мы ищем у великих душ.

И в должный час, уняв заботу,
Мы отдыхаем от невзгод.
А помнишь ты, какую ноту
Вплетал задумчивый фагот?

«Как счастлив тот, кого теплом и светом
Родной очаг укрыл от зимней стужи,—
Пусть снег и ветер злятся там, снаружи...»

И все стихало понемногу.
И снег стихал, и ветр стихал...
Такой гармонии, ей-богу,
Еще никто не достигал!

В горячке, гомоне и гвалте —
Да что об этом говорить! —
Концерт Антонио Вивальди —
Вот что хотелось повторить.

* * *

А я нелеп в своем стремленье,
Когда не то чтоб укротить,
Но на короткое мгновенье
Себя хочу перехитрить.

Пусть затвердил бы я заране
Впрок заготовленный урок,
При всем желаньи и стараньи
Его б я выполнить не мог.

Но бог отнимет разум разом,
И меркнет все в твоей судьбе.
И я достаточно наказан
Тоской и скорбью о тебе.

В ночи стихают шумы, гуды,
И в час безмолвья — хоть кричи! —
Твои мерещатся мне губы,
Не будь помянуты в ночи.

Московский ветер в окна дунул,
И мысль течет куда-то вспять.
Ах, если б я о них не думал!
Ах, если б мог не вспоминать!

А ведь и было так немного:
Один лишь миг, короткий миг.
Но я боюсь, боюсь, ей-богу,
Что не могу уже без них...

* * *

Сия великая есть тайна.
Пред нею, погруженной в тишь,
Незамутненной и кристальной,
В благоговении стоишь.

Неважно, если мы с тобою
В порыве радостном своем
Родством ли душ или любовью
Вдруг эту тайну назовем.

Тут правда царствует другая.
Тут умолкают шум и гам.
И тут слова не помогают,
Они мешают только нам.

Но даже то необычайно,
Что нам почувствовать дано:
Сия великая есть тайна,
Как было сказано давно.

* * *

Но есть основа всех основ.
Но есть начало всех начал,
Где в исполненье давних снов
Ты обретаешь свой причал.

Чужое эхо не лови.
От всех сомнений отрешись,
Коль слышишь вечный зов любви:
Я путь, я истина, я жизнь.

ХОККЕЙ СЕГОДНЯ, ЗАВТРА... А ПОСЛЕЗАВТРА?

Евгений РУБИН

В. Третьяк на посту.

Фото А. Бочинина.

Я перебираю в памяти события последнего времени.

Команда ЦСКА, 18-кратный чемпион страны, уступила обжитое место считавшимся вечным середняком «Крыльям Советов», те проигрывают ленинградскому СКА и «Химику», московское «Динамо»— рижскому... Московский «Спартак» делит очки с «Кристаллом»... На первенстве мира сборная СССР терпит поражение от чехословацкой команды с небывалым счетом 2 : 7, но все-таки сохраняет за собой чемпионское звание... Наши играют с канадскими профессионалами, да не просто играют, а побеждают команду, в составе которой легендарные Бобби Халл и Горди Хоу. Бурлит хоккейная жизнь, полная неожиданностей. Нелегко отыскать в этом потоке событий закономерности. И все же попытаемся, а для начала возвратимся на 12 лет назад, когда в один поистине прекрасный мартовский вечер полторы дюжины приехавших из Советского Союза в Швецию молодых ребят были провозглашены перед лицом переполненных трибун стадиона «Юханнесхоф» чемпионами мира по хоккею.

Наш хоккей семь лет накапливал силы и созревал для нового взлета. И вот хоккейный мир увидел удивительные плоды долгой работы наших тренеров. На льду появились такие мастера, как Борис Майоров и Вячеслав Старшинов, Владимир Юрзинов и Виталий Давыдов, Эдуард Иванов и Александр Рагулин, Виктор Кузькин и Виктор Коноваленко. Вместе со своими старшими товарищами — Константином Локтевым, Вениамином Александровым, Виктором Якушевым и Александром Альметовым — они и обеспечили многолетние успехи нашего хоккея на мировых чемпионатах и трех белых Олимпиадах.

Я назвал дюжину имен, хотя в составе сборной команды игроков было значительно больше, намеренно выбрав только тех, кого самые придирчивые знатоки без всяких оговорок признали бы выдающимися мастерами.

Девять лет — в жизни спортсмена срок громадный. И за эти годы один за другим уходили из спорта лучшие из лучших, но смена появлялась настолько безболезненно и вовремя, что перемены не сразу бросались в глаза. Через год после чемпионата мира 1963 года в Стокгольме в команду пришел Анатолий Фирсов, а за ним (опять я перечисляю не всех, а лишь мастеров первой величины) — Владимир Викулов и Виктор Полупанов, Виктор Блинов и Валерий Никитин, Евгений Зимин и Александр Якушев, еще чуть позже — Борис Михайлов и Владимир Петров, Валерий Харламов и Александр Мальцев, Валерий Васильев и Александр Гусев, Владимир Лутченко и Юрий Ляпкин, наконец — Вячеслав Третьяк, занявший пост основного вратаря сборной, когда ему было всего 18 лет.

Отметим, что «передача дел» от поколения к поколению полностью завершилась между 1972 и 1973 годами, и наследство оказалось в надежных руках. Преемники лишь раз, на пражском чемпионате, уступили первое место, уступили хозяевам поля, а затем опять вернули его себе и, судя по всему, надолго. Но вот уж и они, преемники, миновали пору первой хоккейной молодости. И уместно задать вопрос: а кто же стоит за ними? Кто будет принимать дела у них? Иными словами, кто из молодежи в последние три-четыре года выдвинулся, хорошо проявил себя, способен сменить в сборной ветеранов?

Признаться, задав такой вопрос, я задумался. Только что, перечисляя имена выдающихся хоккеистов двух поколений, я опасался одного — как бы кого-то не пропустить. Теперь трудность совсем иного рода: перебирая подряд всех, прошедших через сборную в последнее время, тщетно стараюсь отыскать такого мастера, кого можно было бы без натяжки сравнить с прежними и нынешними могиканами.

Вот тройка из «Крыльев Советов», в которой играют Юрий Лебедев, Вячеслав Анисин и Александр Бодунов. Что ж, хорошая тройка, способные игроки. Однако им по 23 года, и в наш век бурной акселерации пора бы по всем статьям показать мастерство Викулова и Полупанова, которое те показывали в год их дебюта, когда им было по 19 лет, или Петрова и Харламова, которые в 22-летнем возрасте уже выдвинулись на ведущие позиции в сборной. А Сергей Капустин из той же команды «Крылья Советов»? Или его сверстник Александр Волчков из ЦСКА? Надежды они подают, но в 22 года и Мальцев и Лутченко, а еще раньше Старшинов, Рагулин, Альметов были уже сложившимися мастерами экстра-класса, ключевыми игроками сборной.

Я не принадлежу к клану пессимистов, которые пытаются доказать, что наш хоккей топчется на месте. Нет, его прогресс очевиден.

Мы раньше и мечтать не могли о таком числе классных команд, о таком числе квалифицированных игроков, каким располагаем сейчас. Средний уровень хоккеистов поднялся неизмеримо, но выбрать для сборной два десятка лучших из полусотни равных трудно. Ни Рагулину, ни Фирсову, ни Старшинову, оставившим сборную последними из своих современников, равноценная замена не найдена, и не очень-то ясно, как эту замену найти.

Неожиданные проблемы ставит перед нами современный хоккей. Но давайте попробуем установить, почему блекнет хоккейный небосклон. Может, потому, что «звезде» труднее выделиться среди множества «звездочек»?

Вероятно, выделиться среди игроков достаточно высокого среднего уровня — не так-то просто, но все же, думаю, что есть и иные причины. Перечитайте еще раз два списка имен — сначала «отцов», а потом «детей». Обратите внимание: все, кто в них перечислен, за редчайшим исключением москвичи. И почти все они из трех московских клубов — ЦСКА, «Спартак» и «Динамо», причем армейская команда в сборную дает пополнения побольше остальных двух клубов. И это естественно, ведь армейцы имеют наилучший подбор игроков. Столь же велико преимущество «Спартака» и «Динамо» перед остальными командами. Они, опять-таки естественно, и должны идти вслед за чемпионом. А так ли это естественно, что три места на пьедестале почета вечно делят между собой одни и те же команды, а прочие шесть-семь молчаливо признали их превосходство и смирились со своей участью хронических середняков и аутсайдеров? Вот игроки «Крылья Советов» рискнули нарушить эту традицию и выиграли, не пора ли и другим командам дерзать?

Да, хорошо до недавнего времени жили лидеры. И, главное, беззаботно. Скажем, руководители ЦСКА знали: чтобы сохранить за собой золотые медали, команде достаточно иметь две сильные тройки форвардов и три-четыре классных защитника. Это гарантировало ЦСКА от любых случайностей. Приблизительно так же рассуждали спартаковские тренеры: «Уж что-что, а ступенька на пьедестале почета нам всегда обеспечена». Да и динамовцы были спокойны, испытывая чувство собственного превосходства над «провинциалами».

Самоуверенность и самодовольство одних, сознание своей второсортности других немало способствовали уменьшению числа высококлассных игроков в нашем большом хоккее. Отлично понимаю, что дело тут еще и в качестве тренировочной работы с юношами, и в нехватке искусственного льда, и в недостатке квалифицированных тренеров. Все это, разумеется, определило посредственние наших хоккейных кадров, но для сборной особое значение имели отношения, сложившиеся между командами-«аристократами» и большей группой смирившихся со своей судьбой клубов-«плебеев».

Теперь используем мерку, только что примененную к нашим внутренним делам, к мировому хоккею. Не станем скрывать, что первенства мира последних лет в чем-то стали напоминать недавние наши чемпионаты. За медали борются три «гранда» — советская, чехословацкая и шведская команды (причем и среди этих трех наша — заведомый фаворит), остальные «при сем присутствуют».

В нашем чемпионате гегемония ЦСКА нарушалась очень редко. Вот и в чемпионате мира единожды за 12 лет наша сборная уступила первенство чехословацкой команде. Но тот и другой срывы настолько эпизодичны, что не тревожат монополистов.

Вот где истоки затишья, в какой-то момент воцарившегося и в нашем и в мировом хоккее.

Думаю, что штилю приходит конец и очень скоро мы с вами станем свидетелями хоккейной бури. Первые грозовые дуновения уже пронеслись над ледяными полями.

Вспомним еще раз о скромном московском клубе «Крылья Советов». Четыре года назад его возглавил тренер Борис Кулагин. Тогда чемпионат команда закончила на седьмом месте, затем сразу перебралась на четвертое, потом на третье, и Б. Кулагин публично заявил, что команда не намерена на этом успокоиться, а решила сделать еще один шаг вперед. Он сдержал слово лишь частично — «Крылышки» сделали не шаг, а сразу два: минуя вторую ступень пьедестала почета, сразу поднялись на первую. И мало того, что питомцы Кулагина оттеснили с первого места ЦСКА, они отобрали у армейцев и второй из главных призов — Кубок СССР.

Загадка? Да нет, просто Кулагин и его команда сумели доказать, что, утратив робость перед авторитетами, применив предельные объемы тренировочных нагрузок, использовав достижения науки в работе со спортсменами, можно творить чудеса.

И вот что важно выделить: за четыре года «Крылышки» превратились в одного из основных поставщиков сборной. Между тем игроки в команде все те же, что и четыре сезона назад. Просто обстановка, созданная в команде, позволила им быстро догнать и даже перегнать многих одаренных хоккеистов из других клубов.

Есть у «Крыльев Советов» и младший брат — рижская команда «Динамо». Путь, проделанный ею в последние годы, выглядит скромнее, но не замечать масштабов роста этой команды нельзя. Вот вехи ее восхождения в минувшем четырехлетии: выигрыш турнира клубов второй лиги, третье место среди команд первой лиги, победа в чемпионате этой лиги и переход в высшую, шестое место в первенстве СССР 1974 года.

Не проходит тура, чтобы бывшие аутсайдеры не отобрали очки у вечных лидеров. Не случайно мы не видим среди ведущих ни спартаковцев, ни динамовцев Москвы. На постоянный, непреходящий успех может теперь рассчитывать лишь та команда, которая располагает полным набором равноценных и квалифицированных хоккеистов.

В мировом хоккее тоже веет ветер перемен. Стирается полоса отчуждения, издавна разделявшая европейский любительский и канадский профессиональный хоккей. Вот-вот должны пасть и иные барьеры, сдерживавшие до сих пор развитие игры по обе стороны океана. Из сообщений печати известно, что на венской сессии Международного Олимпийского Комитета, той самой, что назвала Москву столицей Олимпиады 1980 года, президент МОК лорд Килланен сказал в беседе с руководителем Международной хоккейной федерации Джоном Ахерном, что олимпийский комитет не будет возражать против проведения открытых чемпионатов мира по хоккею. Иными словами, хоккеисты смогут разыгрывать свое первенство, как футболисты: к участию в чемпионате будут допускаться сборные команды, в которые войдут не только любительские, но и профессиональные игроки.

Таким образом, и Канада и США получат право выставить команды, в которых найдутся места для звезд профессионального хоккея, а шведы и финны смогут на время мирового первенства включать соотечественников, играющих в профессиональных клубах за океаном, в свои команды. В этих условиях лидерам мировых чемпионатов — хоккеистам СССР и Чехословакии придется нелегко, но эти перемены, бесспорно, послужат новому взлету игры, а значит, в этих переменах все должны быть заинтересованы.

Предполагается, что открытый чемпионат мира состоится уже в 1976 году, на котором мы увидим выдающихся хоккеистов и игры такого накала, каких хоккей еще не знал.

К этим новым временам нужно готовиться не покладая рук, учитывая интересы хоккея не только завтрашнего, но и послезавтрашнего. А он в руках сегодняшних юниоров. Уже после того, как была написана эта статья, пришло сообщение из Канады о прекрасной победе молодых советских хоккеистов на так называемом пробном первенстве мира для игроков не старше 20 лет. Это многообещающая заявка на будущее.

Где они выросли, герои молодежного чемпионата? В детских школах команд мастеров. О том, как поставлено дело в школе ЦСКА, известно всем. Но вот начала уже давать пополнение чемпиону страны школа «Крыльев Советов». Совсем недавно получила в свое распоряжение превосходный каток «Сокольники» спартаковская школа. Скоро начнут заниматься на собственном искусственном льду юные динамовцы. Серьезно работают со своей сменой в подмосковном «Химике» и ленинградском СКА...

Побывайте на турнирах «Золотой шайбы», на первенствах страны для юношей и юниоров. Там вы увидите послезавтрашний день нашего хоккея.

Ия МЕСХИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

ОЧЕЙ ОЧАРОВАНЬЕ

Вопросы, вопросы, вопросы. Дети задают их нам, взрослым. А мы, взрослые, знающие, что такое хорошо и что плохо, умеющие отличать белое от синего, пятницу от четверга, дурного человека от праведного, мы, конечно, отвечаем,— странно, если было бы наоборот. Мы же прожили жизнь! Мы восприняли в меру своих сил необъятный человеческий опыт. А они? Что они знают?..

И тем не менее, видя то, что сделано детьми и собрано в Тбилисском музее детского искусства, хочется не отвечать, а задавать вопросы им, этим четырех-, шести-, одиннадцатилетним...

Дорогие мои, хочется их спросить, откуда вы взялись такие глазастые, такие веселые, такие смелые?.. Только не говорите, пожалуйста, что вы взялись из детства. Это уже сказал замечательный французский писатель Антуан де Сент-Экзюпери, а вслед за ним многие повторяли, наверное, тысячу раз. Слышать нет сил!.. Да вы и не ответите так, а скажете: «Мы из Мцхета». «Из Сухуми». «Из горийского селения». «Из Тбилиси»...

А рисунки?..

Да разве лошади бывают такие длинные, такие красные и синие? Это два брата-близнеца, Гия и Дато рисовали разноцветных лошадей, когда им было лет по пяти. А где это видано, чтобы сразу было столько церквей, да еще поставленных вкривь и вкось? Это шестилетняя девочка Саломэ поехала с родителями в Подмосковье и увидела русские церкви, нарядно расписанные,— вот они у нее вдруг и «заплясали».

Знаю, что на самом деле красных лошадей не бывает, но хочется, чтоб они были, потому что так они кажутся красивее. А русские церкви на самом деле стоят прямо, не шевелятся, а все же на рисунках они веселые и какие-то живые.

Искусство — оно для радости. Для того, чтобы наполнять улыбкой себя и других. Искусство — праздник. Не всегда он получается у взрослых. А здесь ходишь, и радуешься, и улыбаешься своим мыслям. И спрашиваешь: «Почему же у вас все так интересно? Вы же, дорогие мои, еще не учились жизни, не учились тому, как надо «делать» искусство!.. Может быть, интересно потому, что сердце у вас полно добра к миру и вы еще не утратили своей способности открыто выражать эмоции?.. Может быть, интересно потому, что просто вам самим все страшно интересно?.. Интересно, что у буйволов такие громадные рога, что у певицы Нани Брегвадзе такие странные глаза, что у моря такой ласковый цвет, что на школьной вешалке такие пестрые пальтишки...» Надо еще нарисовать рога такой уверенной рукой! Надо найти на палитре именно такой нежный цвет моря. Надо изобразить, хоть и очень большие, в пол-лица, женские глаза, но все же похожие именно на глаза Нани!.. Но это уж, верно, тайна таланта.

Вот работы пяти-шестилетней девочки по имени Русудан. Поразительно, что́ и как она видит... Перед простенькими листочками с ее карандашными рисунками стоят взрослые художники и удивляются, цокают языком. В ее рисунках всегда много людей. И все они очень энергично куда-то шествуют, что-то делают общее — как-то активно относятся друг к другу. Например, строят колоссальную физкультурную пирамиду или доят фантастическую корову с огромным количеством сосков... Главный же ее объект — дети, масса детей, среди которых, как правило, Русуданины мама и папа... Мама, разумеется, красивая. Папа длинноногий, нескладный, смешной, густо усатый. Дети сидят у него на коленях, на шее, висят на руках... На самом деле Русуданин папа без усов, и детей у него не так уж много — всего четверо. Но пойди же пойми, почему многое так поражает воображение девочки и почему она умеет так живо, так жанрово видеть, почему ее интересует такое энергичное движение, такие сплоченные люди?..

Почти всегда можно отличить работы так называемых «организованных детей» из детских садов, школьных кружков; работы, направляемые рукой художника-воспитателя, возможно, и подсказывающего тему. Но особенно поражают работы 11—12-летних... Это возраст, когда наступают последние всплески детского видения. Возраст, когда они вот-вот начнут стесняться своей непосредственности, отбросят карандаш или кисть до поры до времени или уж навсегда... Здесь, на грани 12—13 лет, кончается детская чистота, прямота, кончается прекрасная пора, очей очарованье...

Постараемся и мы, взрослые, говорить прямо и перестанем пользоваться одной лишь розовой краской: все, мол, дети хороши! Нет, и среди детей (правда, куда меньше, чем среди взрослых) есть графоманы, скучные подражатели, тщеславцы, мазилы со скудным воображением... Согласитесь со мной, лучше сказать об этом вовремя, понять, отчего они такие, кто в этом повинен и как с этим бороться.

Дело не в том, что кто-то хочет сделать из детей мастеров искусства и натаскивать их по этой части с малолетства. Это — горькое заблуждение некоторых родителей! Задача в том, чтобы дети учились думать, творить, видеть все ярко,— каждый по-своему, любить... Чтобы они не были одинаковыми, стандартными, тусклыми,— ни сейчас, ни позже, когда станут

Тамила Каландия. 6 лет.

Саломэ Горгадзе. 4 года.

Джумбер Вашакидзе. 11 лет.

Русудан Петвиашвили. 6 лет.

Дети рисуют.

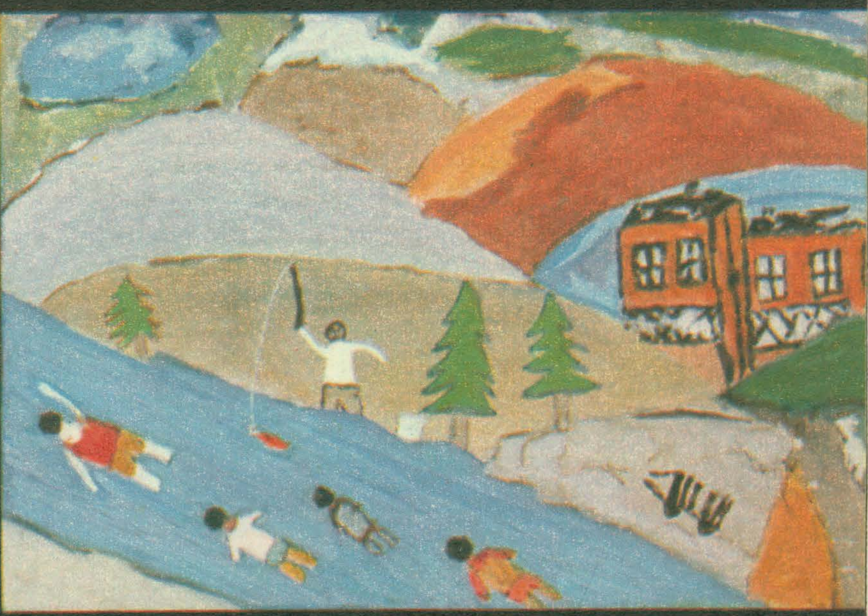
Нана Надареишвили. 10 лет.

Паата Циклаури. 7 лет.

Элгуджа Мгалоблишвили. 11 лет.

Манана Бараташвили. 8 лет.

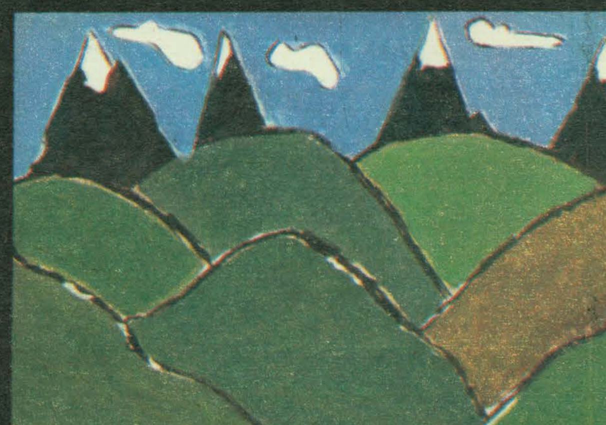

Дэви Карцивадзе.

Поликарпе Клибадзе. 11 лет

Гиви Ноникашвили. 11 лет

Баадур Малазония. 4 года

Нино Чхаидзе. 6 лет

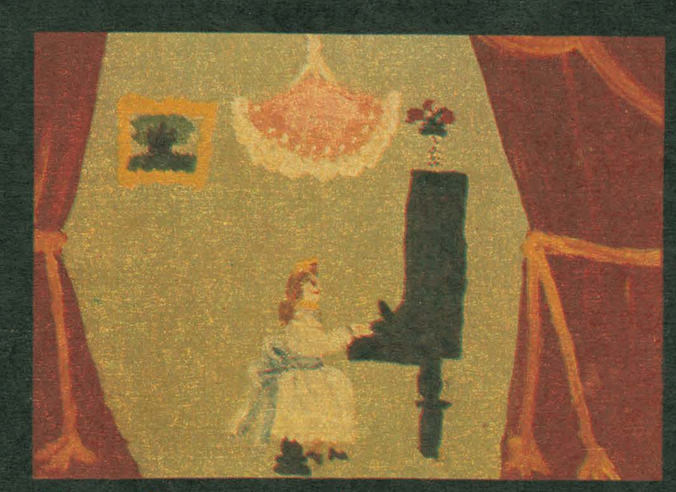

Нино Джапаридзе. 13 лет

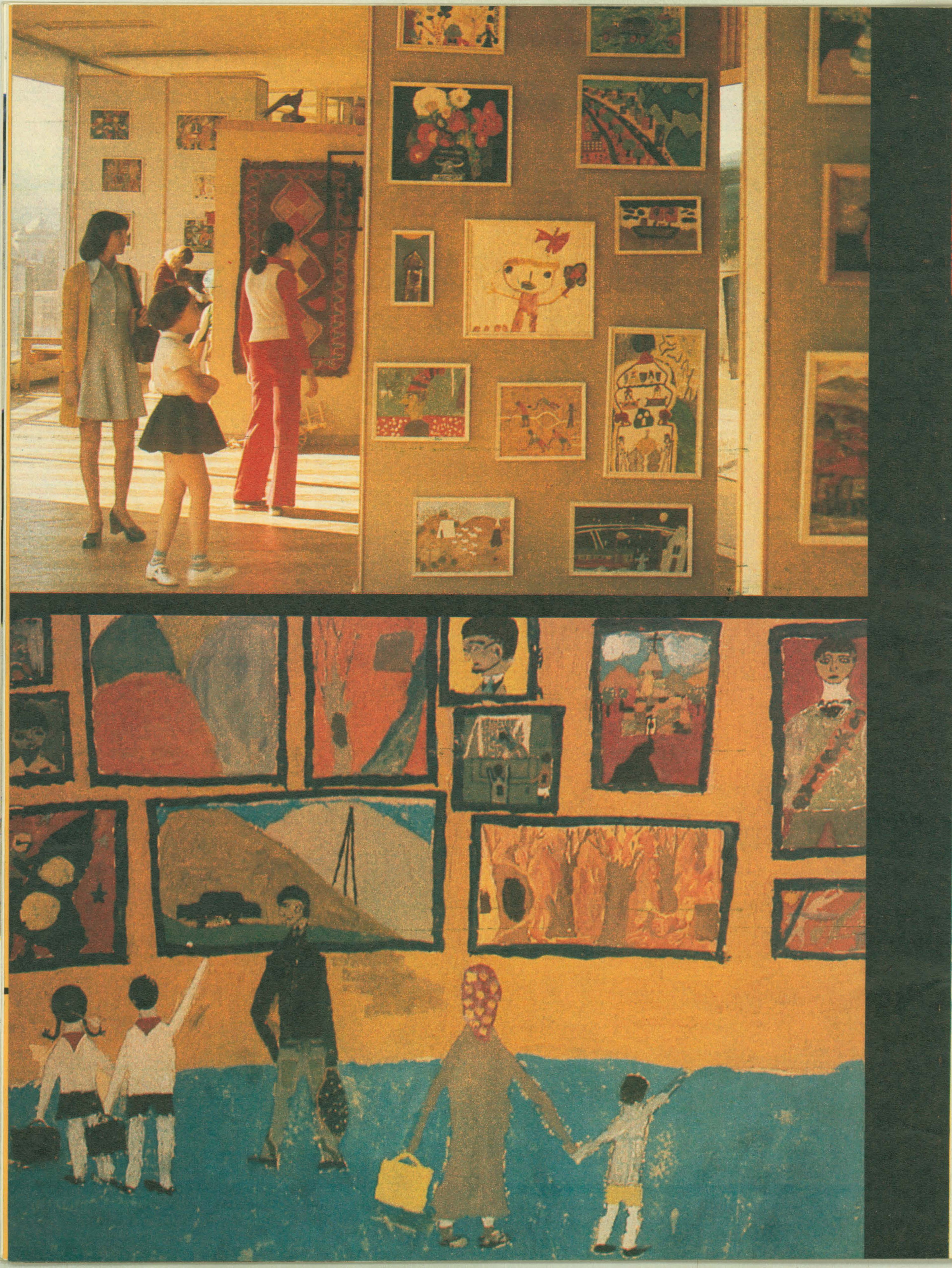

Давид Мачаидзе. 11 лет

Манана Джаниашвили. 6 лет

инженерами, врачами, конструкторами, педагогами, учеными... И особенно если посвятят себя искусству в самых разных его проявлениях.

Но если мы говорим о прозрачности и эмоциональной точности детского искусства, то, может быть, оставим детей в покое и пусть себе растут как трава? Талант, мол, сам пробьется к свету, как цветок полевой.

Нет, это невозможно. Ибо дети живут не в чистом поле, не на необитаемом острове, а с нами, взрослыми... И это мы их «портим», и никто иной! И мы должны научить их лучшему: привить на всю жизнь иммунитет к пошлому, дешевому, спекулятивному!.. И помочь нам может музей. Не выставка, не галерея, а именно музей со своей научно-исследовательской лабораторией детского творчества, со строгим, целенаправленным отбором работ разных лет, со своей студией и клубом интересных встреч, лекторием для школьных учителей рисования. Учитель рисования — как же это важно, чтоб он был на уровне!

Музей открылся только в этом году, а уже были похищены лучшие рисунки, совсем как во «взрослом» музее! Только в этом году соединенными усилиями Министерства просвещения, Союза художников и ЦК Компартии Грузии из нового концертного зала филармонии выдворено удобно расположившееся там торговое заведение, и собраны в прекрасном светлом помещении работы, представляющие научно-психологический и эстетический интерес.

В этом же году в Тбилиси открыли еще и детскую Художественную школу нового типа, программу которой составляли чуть ли не год. Тут я ставлю себе вопрос: что бы я сказала, если бы меня привели в консерваторию, дали возможность прослушать Баха в органном исполнении, а потом попросили выразить ассоциации, которые рождает эта музыка,— рисунком на бумаге? Честно?.. Я бы, наверно, сказала: «Музыка дала мне отдохновение, но нарисовать ее невозможно». А вот пятиклассники Художественной школы, услышав хоральную прелюдию до минор, ответили иначе. Один из них заполнил лист бумаги темными, резкими, коричнево-оранжевыми штрихами трагического колорита. Другой изобразил зеленые холмы, а за ними — иссиня-черные горы с белыми пиками. Третий нарисовал самого Иоганна Себастьяна у рояля. Четвертый — карету: цок-цок копыта, стук-стук колеса... Пятый — одинокую лодку в море.

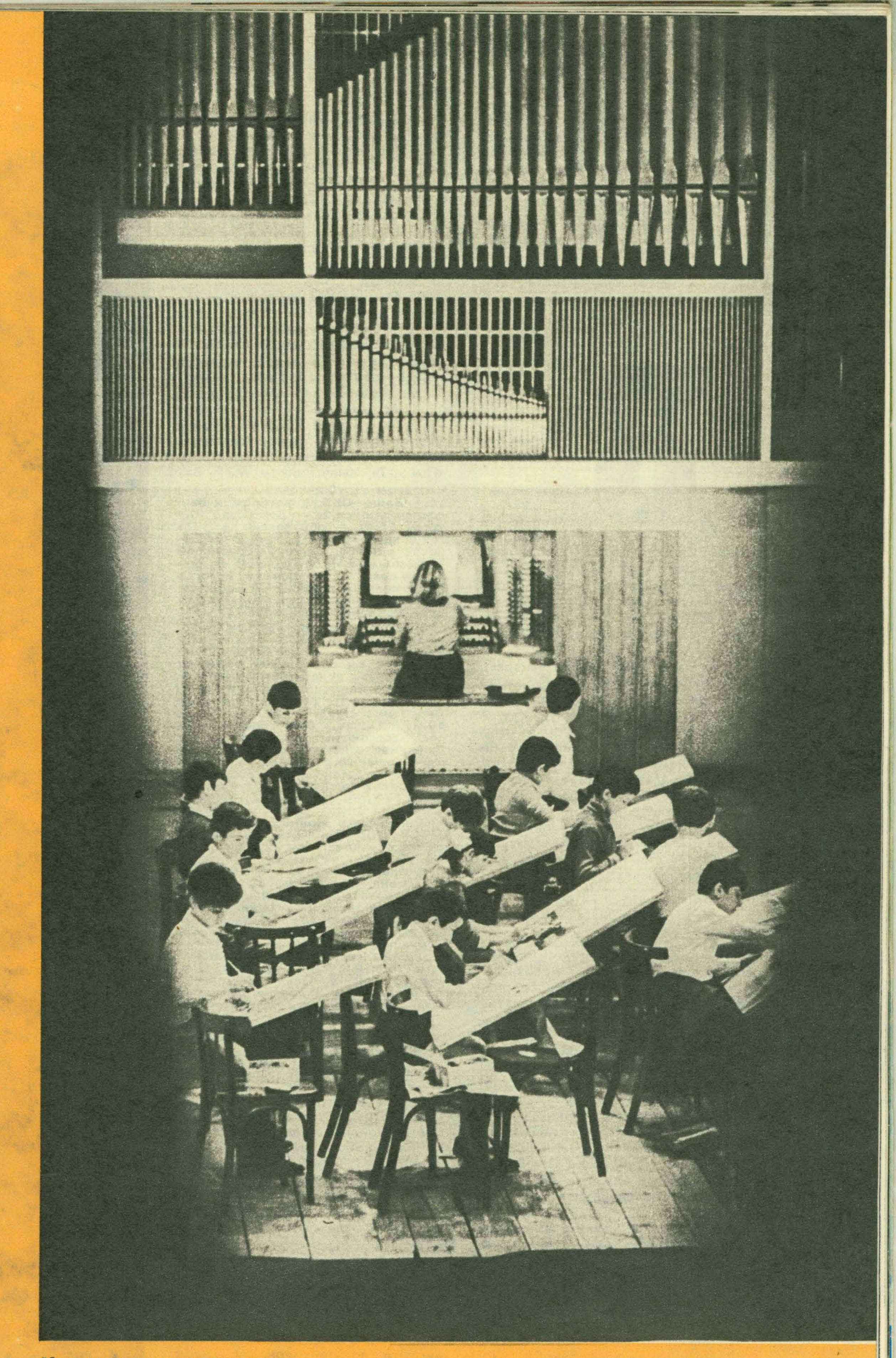
Тот, что изобразил одинокую лодку, на следующий день принес в музей еще один рисунок, навеянный прелюдией. На бревне сидит пригорюнившийся человек, смотрит на распростертое рядом тело убитого, а кругом большое поле в ярких, сочных цветах... Хорошо или плохо? Правильно или неправильно?.. Это интересно!

При поступлении в школу был большой конкурс. Приняли триста пятьдесят детей. Сейчас они изучают живопись, скульптуру, графику, керамику, прикладное искусство, вязание, историю искусств, эстетику. У них есть музыка. Точнее, воспроизведение музыкального образа живописью.

— Сначала я их знакомила с инструментом, показывала нижние и верхние регистры. Потом просила передать регистры красками на бумаге. Обычно дети рисуют кубики или просто делают мазки. Следующий этап — зарисовка гамм, мажорных и минорных. Затем мы «рисуем» простые популярные песенки, маленькие пьесы, пионерские марши, прелюдии и фуги Баха. Словом, долгий путь.

Это говорит преподавательница музыки Кетино Гоголадзе. Она окончила консерваторию по классу фортепиано и по классу органа. Сама много рисовала в детстве и сегодня не мыслит музыки без живописи.

Несколько иной профиль у завуча этой школы Ушанги Лондаридзе: он вокалист, художник. Автандил Кухианидзе, директор музея детского искусства, имеет музыкальное и филологическое образование.

Урок музыки и рисования.

Кто еще работает в музее? Главный художник музея Тенгиз Мирзашвили пришел сюда просто помочь и вдруг остался: все оказалось так неожиданно, интересно! Елена Георгиевна Горгадзе, начальник выставочного отдела, еще лет десять назад начала собирать рисунки детей в кабинете эстетического воспитания. Скульптор Гуга Микадзе, председатель детской секции Союза художников Грузии, чьими стараниями был создан музей. Экспозиционер музея Юрий Квесс не профессионал, но страстный коллекционер. Это он пригласил в гости к тбилисским ребятам юных художников из Палеха...

Вот такие все они разные, разносторонние и просто талантливые люди. Словно собрались у костра, греются возле него и подкидывают все новое топливо в огонь... Дайте срок — костер разгорится!

Вот что записали в Книге посетителей туристы из Латвии: «Редкое зрелище! Опыт тбилисцев — другим городам!»

Или, как записал скульптор из Молдавии: «Люди, которые затратили столько энергии для создания этого дела, всегда будут чувствовать радость оттого, что они смогли подарить людям частицу их души. Ведь в каждом человеке живет его детство, когда он воистину был гармоничен и прекрасен».

Музей детского искусства Грузии.

Элгуджа Мгалоблишвили. 11 лет.

«Можно сказать, что сейчас большинство исследователей — молодежь... Она несет с собой уверенность, что сумеет вписать новые страницы в книгу истории».

Президент АН СССР М. В. КЕЛДЫШ.

В «солнечную систему» творчества входит несколько «планет» — детского творчества, юношеского, зрелого. Взрослея, перебирается человек с одной планеты на другую, и если горит в нем эта солнечная искра, она озаряет весь его жизненный путь.

Были на Центральной выставке научно-технического творчества молодежи в Москве, на ВДНХ, два экспоната — пожалуй, самые здесь популярные. Один из них создан молодыми инженерами-кибернетиками, другой — совсем юными мальчишками из московского профессионально-технического училища. И те и другие — обитатели лучезарной «планеты» молодежного творчества. Только находятся они на ее разных возрастных полюсах...

* * *

На бланке напечатано: «Хотите одеваться модно — посоветуйтесь с ЭВМ». Девушка недоверчиво заполняет бланк и робко засылает его в электронно-вычислительную машину. Через мгновение машина знает об этой 20-летней блондинке все, что необходимо: рост, размер одежды, вкусы, характер.

Через минуту из машины выплескивается рулон белой бумаги с ответом. В нем — рекомендации фасона и расцветок одежды, которые пойдут девушке, исходя не только из ее внешности, но и характера.

Модельер с тонким вкусом и богатой фантазией — лишь красивая иллюстрация неограниченных возможностей этого мудрого агрегата, который в основном предназначен для информационно-вычислительного центра (ИВЦ) выставки. Электронная машина впервые взяла на себя обязанности гида. Мозг и память информационного центра — ЭВМ «Минск-32» находится по соседству, в павильоне «Вычислительная техника», а связь с ней осуществляется по каналам телефонной связи с помощью телетайпов.

На выставке — около 12 тысяч экспонатов. И о каждом знает машина и почти мгновенно может все рассказать. Сделать ее такой общительной позволила информационная система «Поиск-2», разработанная молодыми инженерами в Общественном конструкторском бюро.

Начальник ИВЦ выставки — 25-летний инженер Илья Карась, его заместитель — научный сотрудник Вычислительного центра АН СССР Рема Иванова. Это она научила машину общаться с посетителями. В напряженное время организации выставки мы и встретились впервые с Ильей Карасем, Ремой Ивановой и еще одним из активнейших создателей системы «Поиск-2», выпускником МЭИ Вячеславом Друшляковым.

— Наше ОКБ, в котором и был создан «Поиск-2»,— рассказал мне тогда Слава,— образовано в 1971 году, когда у нас возникла надобность в информационно-поисковой системе, но для ее создания не было ни средств, ни времени. И тогда комсомольцы решили на общественных началах создать творческое объединение молодежи.

В бюро около пятидесяти молодых инженеров. А его бессменный председатель — Илья Карась. Еще в школе он сам вывел формулы кориолисова ускорения и колебаний при наличии сухого трения. Выводят же их обычно на втором курсе института. Учась в 9-м и 10-м классах, был победителем трех всесоюзных математических олимпиад. Окончив среднюю школу с медалью, получил еще три диплома с отличием об окончании сразу трех физико-математических школ — при университете города Калинина (где жила тогда их семья) и двух заочных: при МГУ и МФТИ. Поступив в Московский физико-технический институт, пожалуй, один из самых трудных у нас, Илья окончил его на год раньше срока. Ответственная и сложная работа в ОКБ, никак не связанная по тематике с основной работой, не помешала ему за два года выполнить кандидатскую диссертацию...

А Рема Иванова как-то добавила:

— Людей с такой жаждой творчества, как у Ильи, я еще не встречала. Но и другие ребята в ОКБ под стать ему. Их работоспособность поражает.

...Идет очередное заседание ОКБ. Сегодня здесь собрались почти все создатели системы «Поиск-2»: Андрей Андреев, Лариса Борисова, Саша Гольдин, Слава Друшляков, Илья Карась, Борис Попов, Сусанна Шахунянц. Их беспокоит уже новая система, более совершенный программный комплекс, который позволит функции оператора почти полностью переложить на управляющую машину. Ею будет «Поиск-3».

* * *

С трудом пробравшись через плотное кольцо желающих пообщаться с электронным мозгом, мы «спросили» у вычислительной машины, что она знает о своем конкуренте по популярности среди посетителей выставки — о действующем макете железной дороги. Машина «ответила», что он создан учащимися московского ПТУ № 129, и что это не просто иг-

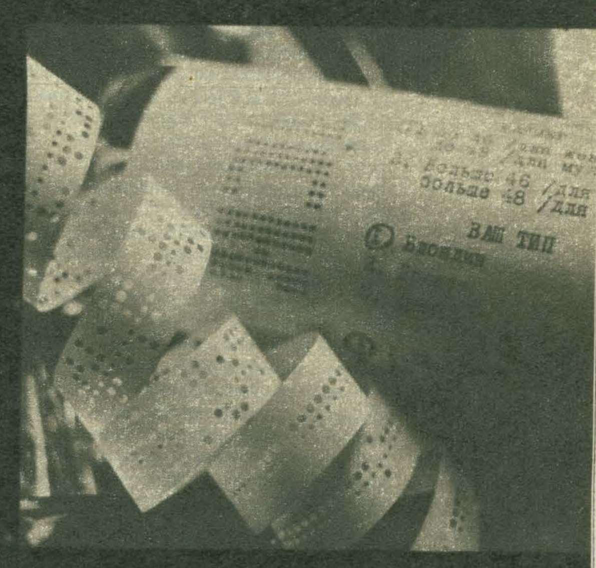
Сергей ВЛАСОВ
Фото Германа МАКАРОВА.

ПЛАНЕТЫ

«Наш расчет до микрона точен».

Создатели информационно-вычислительного центра выставки НТТМ: Л. Борисова, И. Карась, Р. Иванова, А. Андреев.

Что ответит машина?

Открывается неповторимый мир творчества...

ТВОРЧЕСТВА

рушка, а испытательный стенд, на котором проходят обучение будущие железнодорожники.

Один из них — Сережа Мартьянов. Сегодня на выставке он — диспетчер миниатюрной железной дороги. Он же — один из ее создателей.

— Золотая голова,— говорит о нем консультант выставки, преподаватель училища Николай Иванович Кобзаренко.— Как-то я только намекнул ребятам, что неплохо бы в нашем макете изменение напряжения использовать для того, чтобы тепловоз, подходя к станции, давал гудок. Уже на следующий день Сережа принес релейную схему, составленную им дома для осуществления этой идеи. Таких творчески мыслящих ребят в кружке много. Да и вообще училище наше замечательное: в позапрошлом году за подготовку высококвалифицированных кадров и массовое развитие технического творчества награждено премией имени Ленинского комсомола. Обязательно побывайте у нас.

...И вот я в ПТУ № 129. Здесь, в организованном самими ребятами музее истории училища, рядом с пожелтевшими фотографиями и документами стоит действующая модель одного из советских электровозов, созданная в кружке технического творчества. На Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 году она была удостоена Большой золотой медали. С тех пор множество подобных игрушек, бегающих по рельсам, сделали ребята под руководством Владимира Егоровича Бузанова и Николая Васильевича Корытина. Впрочем, «игрушки» — название, пожалуй, обидное для их создателей. Судите сами. Экспонатом музея В. И. Ленина стала модель паровоза, который вел траурный поезд с телом Владимира Ильича. Модель электровоза еще одной марки побывала на выставке в Монреале. Мини-тепловоз ТЭ-10 «исколесил» многие дороги США, Чехословакии, Финляндии, Франции.

Просторная комната. Здесь пахнет канифолью и машинным маслом. Через огромные окна врывается солнце, заставляя сверкать золотом эмблемы в петлицах форменных кителей ребят, столпившихся вокруг модели тепловоза. Новейший, самый мощный советский тепловоз. Новейшая модель, созданная ребятами. Завтра ее повезут на выставку научно-технического творчества молодежи. Впрочем, путь от Каланчевской, 26, до ВДНХ этот тепловозик мог бы проделать и сам. Но не проложена подходящая колея.

Модель и настоящий тепловоз внешне абсолютно похожи. Но только внешне.

— Если бы мы сделали точную копию, — рассказывают ребята, — то модель не смогла бы сдвинуться с места.

Поэтому многие детали им пришлось «изобретать» заново.

Долго еще, «путешествуя» по разным дорогам, эта машина будет помнить теплые и умные руки своих создателей. А у Владимира Егоровича Бузанова и его учеников есть совсем новая задумка — сделать действующую модель локомотива на магнитной подушке. Первые опытные образцы таких машин есть только в Японии и во Франции.

— За все 13 лет, которые я преподаю в кружке,— говорит Владимир Егорович, — не было для меня события радостнее, чем когда мой ученик, который совсем недавно делал первые шаги, преподавал урок мне самому. А ведь не сразу я понял главную истину в нашем деле: не бояться, что мальчишка «изобретет велосипед». Каждый должен пройти через это. С этого и начинается творчество...

К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
МИХАИЛА
ИСАКОВСКОГО

ЖИЗН

Дмитрий КОВАЛЕВ

Как все настоящее, он вошел в сознание незаметно. Еще будучи студентами рабфака, мы пели его известнейшую «Дан приказ: ему — на запад...», не имея понятия, кому принадлежат слова этой песни. Позже я с удивлением узнал, уже от самого Михаила Васильевича, что критика никогда не причисляла его к комсомольским поэтам, но у нас, комсомольцев тридцатых годов, песни на его слова были самыми любимыми.

Его имя и его стихи я узнал за год-два перед войной. К тому времени я уже бредил поэзией, читал жадно все, что мог только достать. Мне, сыну сельского кузнеца, с великим трудом поступившему на рабфак (до того я не закончил даже начальной школы), были очень близки и понятны его мотивы и помыслы. Я тоже «болен был утратою»: уже чувствовал, что ухожу, быть может, навсегда из деревни, но, видимо, в душе так же останусь деревенским. Мне был знаком и язык его ранних незлобиво-иронических стихотворений. У нас о таких, кто нахватался новых ходячих слов и высокомерно относился к своему исконному, говорили обычно «нагомелилась» или «нагомелился», по названию города, что означало: нахватались городских ходячих словечек, возомнили себя культурными и уже брезгуют «серой» сермяжной массой. У нас тоже были свои девушки, которые «читали» не рома́ны — «рoма́ны».

Уже эти, первые открытия Исаковского позже дали целое направление в советской поэзии, где как бы ключом Исаковского были отомкнуты языковые кладовые, и все новые, даже оканцеляренные понятия стали предметом веселой юмористической музы. Сам же Михаил Васильевич вскоре ушел от этой уездно-городской стихии, чтобы уже навсегда вернуться к сельским первозданным речевым источникам. И любопытно, что и в самом начале у него, с первых отроческих шагов, сквозь легшее ему на душу из хрестоматийных книг, пробивалось народно-песенное. В тридцатых годах он и называл стихи песнями: «Песня о несчастной любви», «Песня о замужестве», «Песня о девушке»; но они-то, эти стихи, песнями не стали. Песнями оказались самые самобытные, самостоятельные стихотворения Исаковского, которые и читались не менее вдохновенно, чем пелись. И сам Исаковский обычно морщился, когда его в статье или разговоре называли песенником. Он обычно не мог без своей мягкой, а иногда, хоть это и несвойственно было ему, и злой издевки говорить о так называемых текстовиках, которые подтекстовывали, то есть писали слова на готовую уже музыку.

Помня, некоторые даже наизусть, стихи Михаила Васильевича, я представлял его себе таким, как и его стихи, очень доступным моим понятиям, моей душе. Казалось, увидев его, запросто подойду к нему, как к давно знакомому, дружески близкому человеку. Но когда впервые увидел его, уже после войны, я все-таки не посмел приблизиться к нему, держался на расстоянии и незаметно, не переставая удивляться, как это многие, такие же смертные, как и я, запросто, словно бы по-приятельски, обращались к нему и даже не стеснялись рассказать ему что-нибудь ходячее, на их взгляд, смешное.

В последние годы он никуда не выезжал и почти не выходил из дому. Обычно больные только и говорят, что о своей болезни. От него я ни разу не слышал, чтобы он коснулся своих недугов.

За газетами он следил. Радио слушал. Письма от читателей шли. Но по личному общению с желанными ему людьми явно тосковал. Между прочим, не раз советовал мне слушать передачи, в которых передавались новые песни, чтобы поделиться своим беспокойством за судьбу песни, за то, какие подчас прямо-таки чудовищные слова поются с эстрады и даже встречаются аплодисментами. Утрата народности, задушевности и естественной распевности тревожили и огорчали его более всего.

И я с каждой новой встречей или после телефонного разговора с ним все более узнавал того Исаковского, который был родным мне по своим стихам, по статьям и прозе, дополнявшим его как поэта. Когда не представлялось возможности перезвониться или свидеться, он писал мне. Его округлый, крупный, разборчивый почерк (и чем он хуже видел, тем крупнее он писал), его страничку я узнал бы среди многих других, по его опять же обстоятельно-спокойному тону, с уточняющими подробностями, чтобы все было до буковки понятно, и что в строке и что за строкой.

«Спасибо Вам и за письмо и за книжечку. Книжечки этой серии (имелась в виду библиотечка избранной лирики в «Молодой гвардии».— Д. К.) действительно хороши — и по идее и по материальному воплощению идеи. И тираж хороший.

И обо мне Вы (чтобы и мою такую же книжечку издали) никому ничего не говорите, ни перед кем не настаивайте. Это совсем не нужно. В смысле изданий меня, как говорят, бог не обидел, хотя уже примерно пять лет я не пишу стихов — или почти не пишу, издают меня каждый год. Мне даже както неудобно становится. И я утешаю себя только тем, что книжки мои в магазинах не залеживаются, значит, они кому-то нужны, и, значит, убытков государству я не приношу».

Не помню случая, чтобы он поучал чему-то, но каждое его письмо учило и учит, потому что за ним стоят собственные его дела, поступки.

Хотя он был отгорожен, казалось, от каждодневных перемен в жизни своим тяжелым недугом, но о том, что наиболее принципиально важно в этих переменах, он непременно знал. И не просто знал: в каждом разговоре он настраивал задуматься над происходящим, как может оно сказаться в будущем. Особенно волновали его дела деревни, хотя он, чувствовалось, был осведомлен и в событиях на стройках, на заводах страны, и тем, что делается за ее рубежами.

И до самых последних дней жила не только его пытливая и беспокойная мысль, что ощущалось в каждом спокойном и рассудительном слове, но и о работе он не переставал думать, внутренне настраивал себя на нее, готовил себя к ней. Отсюда, мне кажется, этот его всегда обнадеживающий, не без шутки, откровенно уверенный тон, где он как бы подтрунивает над собой, чтобы и другого приободрить.

Вот он, живой голос его настроения:

«На этой открытке изображен монастырь. Но, ради бога, не думайте, что мы находимся в монастыре. Нет, мы еще далеко не в монастыре и пока что не собираемся туда».

Без этой, вроде бы наивной, лукавой шутки трудно и представить поэзию Исаковского. Она, эта шутка, пожалуй, наиболее отличает его от самых близких ему, особенно Твардовского, хотя у них одна общая народная сельская основа. Они из одного корня, но очень непохожие, очень разные поэты. И эпос Твардовского лиричен, как эпична лирика Исаковского, а юморок его мягок и улыбчив; у Твардовского же

Ь—ПЕСНЯ

он ядреный, заметно погрубее даже, с солдатской солоноватостью. Обстоятельны они оба, но подробности у них отбираются по-разному. У Твардовского они более бытовые или, наоборот, с философским уклоном, и даже в его шутке есть смысловая суровость. Он почти без намеков. Частушка у Твардовского проступает откровеннее и чаще. У Исаковского же песенный веселый ключ более легок, струисто-прозрачен, как легкая днепровская вода. У него мысль, кажется, просится в песню и естественно сливается с мелодией.

Не было и нет более песенного в России поэта. Еще в тридцатых годах всюду зазвучали его удивительные песни, в которых так уместно и уютно почувствовало себя наше время, со всеми его новшествами и предчувствиями завтрашнего дня, который и сегодня не стал вчерашним. А самая знаменитая, «Катюша», воевала на фронте, ею назвали наши бойцы самое грозное оружие — реактивные гвардейские минометы. Она стала любимой песней во всем мире, особенно у народов, борющихся за свою национальную независимость.

И наконец его вершина, где уже полная воля дана боли, по своему трагизму редко досягаемой даже самыми сильными поэтами,— это «Враги сожгли родную хату». Однако же и самое тяжелое, бывает, поднимает крылья песни! И это лучше кого другого почувствовал Исаковский. Пронзительность народной простоты обрела здесь — при встрече вернувшегося с войны победителя-солдата с погибшими женой и всей его семьей, новый, еще не прорывавшийся у поэта трагизм. Отчего же трагизм этот не убивает, а воскрешает человека, подтягивает его собранность, как и шолоховская «Судьба человека», заставляет жить достойно и непримиримо к мелким страстишкам?.. Здесь нравственная высота, выстраданная самим поэтом, особенно остро ощутима, до спазм в горле заставляет переживать великую правду века.

М. Исаковский, как скромно он всегда подписывался и, кстати, даже заставлял переделывать написанные художником обложки, если полностью значилось его имя, узнаваем был уже с первых стихов и без подписи, хотя его почерк, его поэтический характер развивался, менялся заметно. Не чужд был он и хитроватого, не однодневного фельетона, который становился обычно произведением искусства, и смешной, лукавой, иногда и с горькой иронией пародии. Но если было что-то не на шутку серьезное в ней, в такой пародии, он отказывался ее печатать, чтобы не слишком огорчить автора. Одну из них он подарил однажды мне с надписью «Д. Ковалеву в его архив». А между тем многим молодым она очень бы помогла, устыдила бы тех, кто «ради красного словца не пожалеет и отца». Речь в ней шла о досужей поэзии, неразборчивой к слову, зато замысловатой внешне.

В начале творческого пути Исаковский любил рассказывать в стихах, либо устами героев, либо сам. Но чем дальше, тем больше уходил он от этой повествовательности, в его стихах и песнях все сильнее становилось песенное, лирическое начало. И не меньшее, а может, даже большее наслаждение доставляло его читать, а не только петь. Я помню, как взволновало меня его стихотворение «Летят перелетные птицы». Как ходил я белой ночью сразу после войны в Красноярске по берегу Енисея и без конца повторял его «Снова замерло все до рассвета». В нем было что-то такое, как в «Слепом музыканте» Короленко, когда гаснущее зрение обостряет зрение чувств.

Меня всегда коробит, когда я читаю в статьях дотошных литературоведов, которые с излишней последовательностью пытаются раскладывать по отдельным элементам творчество этого одного из самых, пожалуй, цельных и органичных поэтов нашего времени. Кто и когда, мол, на него влиял. Или где он пытался якобы стилизовать себя под народного, а где это у него получалось естественно, когда он уже вполне овладел мастерством.

От такого расчленения Исаковский перестает быть собой. Если он в ранние годы как бы ощупью, по чутью шел сам к себе, он все же не стилизовал. Это, во-первых, присуще тем, кто больше мастерá слова, чем поэты, а он таким никогда не был. А во-вторых, зачем же ему было стилизовать, когда сельская разговорная речь была ему, как воздух, которым он дышал до конца дней своих. А вот то, что он нашел в ней сугубо отвечающее его таланту, его характеру, было и осталось неповторимым, хотя и таким близким всем нам, и не только деревенским, не только хлеборобам, а всем — и военным, и рабочим, и ученым — всем людям, кто думает всегда о своей родной земле.

Народ родил и вдохновил этот великий песенный, поэтический талант. И жизнь его стала песней.

ЗАРЕВО НАД ДОНБАССОМ

Алексей ИОНОВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

XI

Сквозь носки Русаков чувствовал ровную каменную почву и шагал без боязни поранить ноги. В мыслях он не раз помянул добрым словом былых тружеников, которые перед тем, как покинуть шахту навечно, убрали с горизонта и рельсы и шпалы. Лишь изредка он спотыкался об отслоившиеся от кровли и рухнувшие из-под крепи камни, больно ударялся то головой, то грудью о провисшие матицы или горбатые крепежные стойки.

Из-за этих помех он сбивался с ноги и со счета, останавливался, силился вспомнить, сколько пройдено шагов, прислушивался, не топочет ли следом погоня. Мутилось в голове, стучало сердце, и он все время чувствовал во рту солоноватый вкус крови, нередко ощущаемый горняками на больших глубинах.

Тишина была гнетущей, нестерпимой. Андрей иногда покашливал, подбадривал себя. Глухой звук его голоса на время рассеивал мрачные мысли, притуплял напряженность.

Порой Русакову начинало казаться, что, преступив какой-то предел, он очутился в непостижимом мире, где нарушилась связь вещей и понятий и где он уже не может полагаться на свои ощущения. Андрея охватывало нетерпеливое желание проверить сейчас же, насколько достоверны его восприятия. Ради этого он то облизывал пересохшие губы, то останавливался, посапывая, шевеля ноздрями и чуя сернистый запах гнилой крепи, то начинал считать вслух, ободряя себя звуком голоса: «Триста двадцать два... триста двадцать три... триста двадцать четыре...»

Голос его звучал неузнаваемо. Русаков все еще опасался погони. «Да зачем считать вслух!» — тут же обрывал он себя, робея от какой-то другой, пугающей мысли, и, не в силах противиться ей, испытывал ощущение оторопи, нервного озноба. «Не схожу ли я...» — спрашивал он в смутной тревоге, не осмеливаясь произнести еще одно, последнее слово, и усилием воли гасил его в глубинах сознания.

Андрей чувствовал, как при этой изнуряющей борьбе у него начинало сильнее колотиться сердце, а в горле опять возникал вкус крови, памятный ему со времен детства, когда по примеру всех уличных сорванцов он посасывал случайные царапины и порезы на пальцах.

«Нет, не надо думать об этом,— убеждал он себя.— Если давать мозгу такую нагрузку...» В памяти возникло всегда пугавшее его, шахтного механика, зрелище пламени и дыма, охвативших чрезмерно перегруженный электродвигатель. «Стоп! — я сбился со счета,— спохватился Андрей.— На чем я остановился? Восемьсот семь или семьсот восемь?»

Вспоминая, он стоял, в изнеможении опершись плечом о покосившуюся стойку, от которой пахло чем-то горьковатым, больничным: не то миндалем, не то йодом.

«Постой, постой...— сказал он себе, с усилием преодолевая внезапный провал в памяти.— Шагов двадцать назад я, кажется, свернул в другой ход, и он показался мне ниже того, каким я шел... Тут можно задохнуться!..» Охваченный паническим ужасом, Андрей кинулся назад. Скоро он опять ощутил веяние свежего воздуха: выбрался-таки на коренной штрек! Он стоял с минуту, блаженно запрокинув голову и ощущая, как сердце обретает привычный ритм, а к нему самому возвращаются самообладание и силы.

Охватившее Русакова чувство радости позволило забыть на время, что, хотя он и избежал смерти от удушья, положение оставалось попрежнему безнадежным. Он тревожился сейчас лишь об одном — как бы не заплутаться окончательно в подземном лабиринте.

«Если сейчас я действительно возвратился из бокового в коренной штрек, по которому шел вначале,— размышлял Андрей, втягивая голову в плечи и горбясь от усталости,— то я стою лицом к противоположной его стене, а справа от меня должен быть промежуток в три-четыре шага, равный ширине бокового хода. Если я двинусь сейчас вправо... А вдруг я собьюсь с направления и выйду к другой стене коренного хода, куда же мне тогда идти? — Он постоял еще немного, соображая, как ему безошибочно миновать просвет и не сбиться с пути.— Что ж тут гадать! Если позади остался какой-то другой штрек, то над моей головой должна находиться матица первого звена. Вот...» Русаков поднял руку и замычал, скорчился от боли. Как это он забыл о кровоподтеке на спине — гестаповском «гостинце»!

Пошатываясь, он силился достать крепь левой рукой. «А-а, вот она... голубушка!» Тыльной стороной ладони Андрей коснулся дерева, неуверенно шагнул вбок и ударился коленом о какую-то преграду. Она отозвалась гулким звуком. Пахнуло давним отхожим местом. «Вагонетка... порожняя... Забыли выдать на-гора».

Он обошел вагонетку на ощупь, не отнимая от нее руки. Воздушная струя, как и в начале его крестного пути, мягко поталкивала в грудь.

Вековечное молчание недр угнетало Русакова не менее, чем непроглядный мрак, однако он не осмеливался считать вслух: в штреке ему чудилось присутствие кого-то, неотступно следящего за каждым его движением. «Девятьсот двадцать четыре... девятьсот двадцать спать...— Мысли его мешались.— Девятьсот... спать, спать... Черт знает что такое!»

Время от времени он останавливался и слушал. Нет, Путэр, по-видимому, уверился, что выстрелами вдогонку он сразил безрассудного смельчака, бросившегося в бездну. А если его не догнала пуля, то он наверняка нашел свою погибель в пучине: ведь глубокий шахтный ствол наполовину затоплен кислотной, мертвой водою.

«А с какой озабоченностью готовился он совершить злодейство! Убить человека! И как это у них просто... А девочку-то, девочку!..» Андрея опять захлестнул приступ удушья — теперь он задыхался от яростного гнева.

Гнев был сейчас для него спасительным чувством. Ради того, чтоб отомстить хотя бы только этому извергу из гестапо, он готов был претерпеть любые муки.

«Стоп! — сказал Русаков, спохватываясь.— Сколько же я сделал шагов?» Он остановился. В чернильной темноте его опять объяла тишина. Он отчетливо слышал, как тоненько позванивает в ушах. Это было непривычно и страшно.

...Андрей знал и любил шахту не такой. В земных глубинах, под неимоверными толщами горной породы, копаясь, бывало, в часы малолюдных ночных смен в глухом дальнем забое, он, чтоб веселее работалось, мог перемолвиться с подручным слесаренком; а если случалось услать парнишку по делу, мысли о машине, над которой Андрей при скудном свете хлопотал в эти минуты, настраивали его на бодрый лад. Он и тогда, вдали от коренного штрека, улавливал отголоски незатихающей трудовой жизни: то где-то мигнет крохотный, будто затухающий огонек шахтерской лампы-зорьки, то внезапным звоном вспугнет тишину приютившийся в нише телефон, то послышатся хриплые голоса шахтеров, торопливо бегущих цепочкой по дощатому настилу в забои. Но здесь, в обреченных на забвенье лабиринтах заброшенной шахты, все было безгласно, недвижимо и мертво.

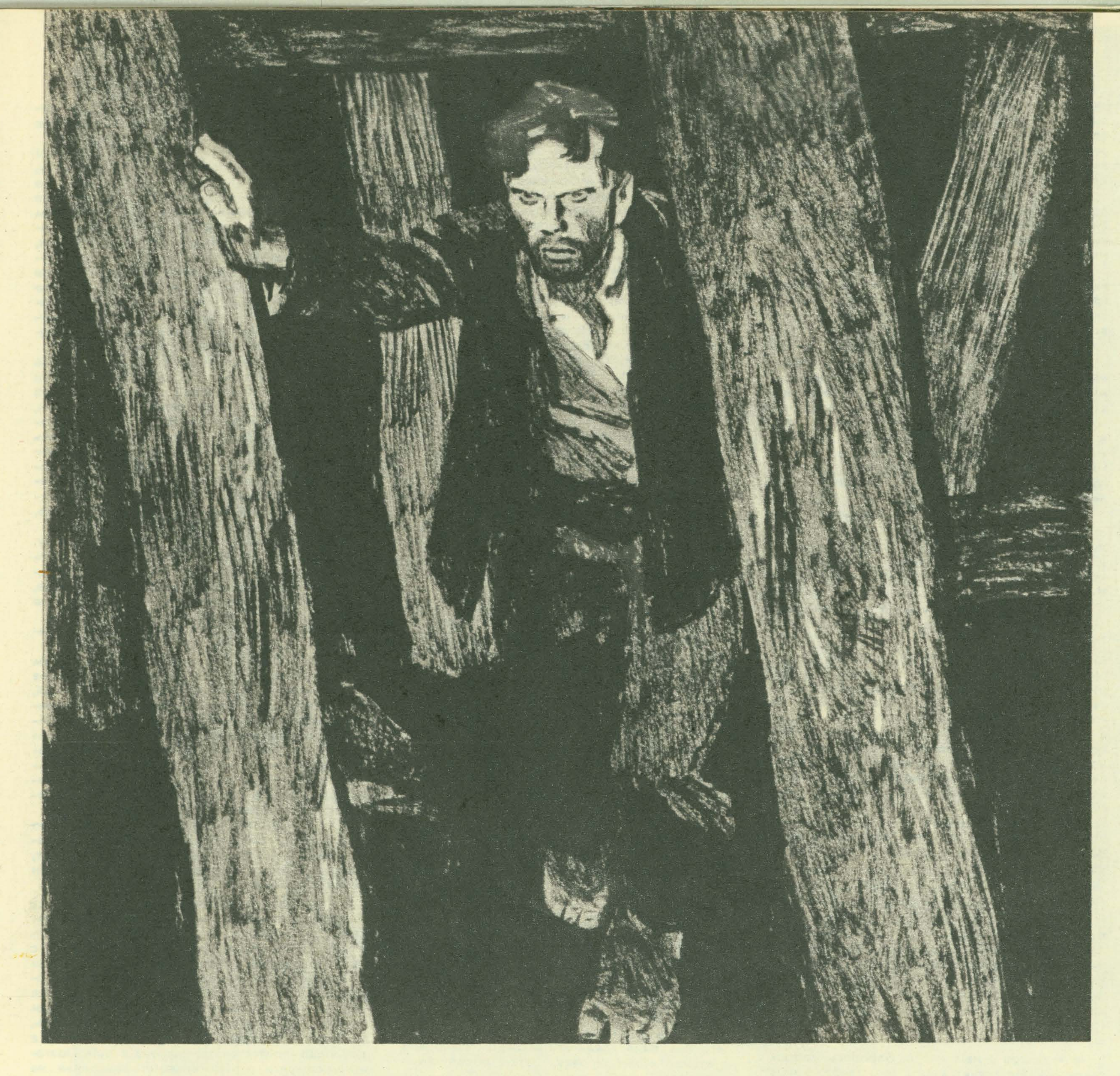
И вдруг впереди, совсем близко, зажегся крохотный, с зеленоватым оттенком огонек. «Не галлюцинация ли? — оторопел Русаков.— Откуда тут взяться светлячку? Неужели он проник сюда через вентиляционный шурф?» Он нагнулся, бережно поднял холодный огонек. Нет, это было не живое существо, называемое в народе Ивановым червячком, а трухлявый обломок древесной крепи, гнилушка. Как хорошо, что она попалась ему на глаза! Она напомнила ему, что, кроме злобы, войны и смерти, существовал и будет существовать мир в котором есть место ласковым южным ночам со светлячками, звоном цикад, запахами цветов, женским смехом...

Рассматривая гнилую щепку, Андрей воспрянул духом. Его охватил приступ голода и жажды. «Воды! Глоток воды!» — неотступно стояло в его мозгу.

То ли стал каменист и труден путь, то ли иссякли силы,— Русаков ступал неловко, спотыкаясь все чаще, попадая на острые камни, которые нещадно ранили ноги. К боли невозможно было притерпеться. Он прислонился спиной к мохнатой от плесени крепежной стойке и ощупал ступни. Носки превратились в лохмотья. Он побрел дальше, с усилием переставляя ноги и неотвязно думая лишь об одном: «Пить! Пить!» Шаги он уже не считал.

В какое-то мгновение Андрею показалось, что он находится на грани забытья. Это встревожило его, потому что в ту самую минуту, когда он подумал о воде, ему почудилось переливчатое бульканье и преловатый запах ти-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—3.

ны. Буль-буль... буль-буль... Вот так же, наверно, в представлении древних текла в преисподней медлительная Лета, река забвения.

Когда он останавливался в изнеможении, дремотное бульканье воды слышалось отчетливее, ближе. Нет, это не было звуковым миражем! Вкрадчиво-говорливый ропот ручья заставил Русакова торопиться, шагать напропалую, рискуя сломать ногу или удариться головой о каменные своды.

Неожиданно он ступил в студеный ручей и поскользнулся. Ковшиком ладони он зачерпнул воды и схлебнул ее одним глотком. Вода была кислая, с привкусом серы. Но это не огорчило беглеца. Не смутило его и то, что, когда он тянул из пригоршни воду, у него похрустывало на зубах: он зачерпывал воду вместе с илом, с крупинками штыба.

Утолив жажду, Андрей постоял немножко, забывшись в отрадных воспоминаниях.

...Забой. Угрюмо поблескивает в оранжевых отсветах лампы влажная, чуть бугристая каменная кровля. Из-под пласта сочатся ручейки черной воды и промывают в слое штыба узенькие дорожки. А в коренном ходу обильный ручей струится в извечном ржавом русле от рудничного двора, и его торопливый звончатый бег напоминает дружное таяние снегов, грачиный грай над вешними полями.

«Вон что! — обрадовался Русаков.— Этот ручей тоже, наверное, бежит сверху. Стало быть, я иду в гору, по восстанию пласта[1], и, возможно, выйду на дневную поверхность. Но какой это пласт? Возможно, тот же, что и на «Берестовке»,— Ливенский или Смоляниновский. Не выведет ли он меня к степному шурфу? Ведь тут, на донской стороне, имелись когда-то неглубокие крестьянские шахты-мышеловки, и они были соединены одна с другой запасными ходами».

Теперь в нем затеплилась надежда. Он все время слышал рядом неумолчный плеск ручья и не страшился ни одиночества, ни мрака.

Порою он оступался в ручей, одна штанина его брюк намокла и залубенела, но это нисколько не огорчало его. Андрей шел, увлеченно блуждая памятью по институтским аудиториям, стены которых были увешаны пестрыми, как ситцы, геологическими картами, маркшейдерскими планами и схемами вентиляции донецких шахт, похожими на схему кровообращения в человеческом теле. Направление потоков свежего воздуха обозначалось на них жирными линиями кумачного цвета, а струи отработанного, выходящего из шахты воздуха синели на ватмане венозными прожилками.

Вспомнился ему и эпизод, рассказанный однажды на лекции профессором-златоустом. На шахте «Мария», под Кадиевкой, из-за какой-то помехи в стволе нарушился однажды выезд шахтеров на-гора. Отчаянные головы не стали ждать, пока помеха будет устранена, и решили выбраться на свет божий по лестницам запасного ствола-шурфа[2] соседней шахты. Заторопились в давно забытый людской ходок, бегут друг за дружкой, пригнув головы, выставив вперед бензиновые лампы Вольфа. Вдруг передний шарахнулся в испуге: поперек ходка на камнях лежал человек — широкий в кости, бородатый, в пеньковых бахилках, латаных посконных штанах, кургузом стеганом ватнике и облезлом бараньем треухе. Осветили лампой — и отшатнулись: это оказался труп со стянутой, как у мумии, кожей. Осмотрели карманы — ни документов, ни чего-либо другого. Лишь валяется тут же, на каменистой почве, шахтерская лампа старого образца, с закопченным и треснувшим стеклом и стальным сетчатым колпачком, превратившимся в ржавую труху, да стоит рядом баклага с остатками загустевшего машинного масла. Бедолага этот был, по-видимому, смазчиком-мотористом. Чей он, как звать, есть ли у него родня — ничего не дознались. Родом же он был, судя по его лохмотьям, из черноземных краев — воронеж-

[1] По восстанию пласта — то есть в направлении его вверх, ближе к поверхности земли.

[2] Шурф — вертикальная горная выработка для разведки недр.

ский или орловский. Занесло его на шахту, скорее всего, в девятьсот тридцатом году, выплеснуло крутой волной коллективизации: не захотел писаться в колхоз, отбился от родной земельки, но, видать, напрасно искал счастья-доли и под землею.

«Вот так и я...— смутно подумал Русаков и почувствовал, как побежали по телу мурашки.— И зачем я вспоминаю эту историю! Что же, погибнуть и мне, как тому старику, без пользы?»

Усилием воли он заставил себя думать о Путэре. «С какой лютой ненавистью смотрел он на меня, собака, в мою, быть может, последнюю, смертную минуту! Нет, надо жить, жить, встретиться с ним лицом к лицу!»

По необъяснимому закону контраста он вспомнил незабвенные лица матери и Наташи. «Хорошо, что они не знают, что случилось со мною и где я. Как бы они страдали, бедняжки! А так — кончится война — кончится же она когда-нибудь? — подождут меня годик-другой, и у матери иссякнут слезы, а Наташа... Она тоже, конечно, потоскует, поплачет, но жизнь возьмет свое: найдет моя женушка другого... Пусть только сына, Игорька, не оставит беспризорным, выведет в люди».

Сурово и трезво прозревал Андрей последствия своей возможной гибели, без слов прощался с близкими, родными людьми, воскрешая в памяти их милые лица. Никогда еще его воля не подвергалась такому губительному испытанию.

«Вот так же... так же... как тот старик. Истлеют крепи, рухнут своды, и я тут — навечно, безвестно...»

Эту мысль он не успел додумать до конца: впереди, в той стороне, куда он волочился, теряя последние силы, как бы забрезжил рассвет, робкий, чуть-чуть сероватый, готовый погаснуть в непроглядных тучах, как это бывает в пору осеннего ненастья. И Русаков, боясь поверить, что это не призрак, не наваждение, не подвох его истомленного сознания, замер оцепенело перед этим внезапно открывшимся ему видением. Словно прозрев, он различил в сумрачном далеке угрюмые, расплывчатые очертания каменных уступов, лоснящиеся стены штрека. «Но что там, что? Запасный выход? Вентиляционный ствол? А есть ли там лестницы?»

Он метнулся к тускло серевшему просвету, спотыкаясь, падая, сбивая до крови колени.

Добежав до того места, над которым едва проступал рассеянный свет, он запрокинул голову и приметил уходящую ввысь ступенчатую спираль деревянных лестниц и что-то смутно-прозрачное, похожее на предвестье зари. И тут силы оставили его. Андрей в изнеможении рухнул на глыбы сланца, привалился головой к горько-пахучей осиновой крепи, раскинул руки.

Но и теперь в нем что-то боролось, сопротивлялось. Не случится ли с ним такое, о чем он не раз слышал на шахте и в институте? Попав в глухой загазованный забой, человек погружается в умиротворенное состояние, засыпает, и... мир праху! И, уже теряя сознание, он успокоил себя: «Тут свежая струя... безопасно...»

XII

Ни ночь, ни день не принесли в осиротевший домик на Шахтной улице утешения. Макар Федотович и на другую ночь, сидя у форточки на кухне, все ждал и ждал, и опять ему чудились то тихое поскрипывание калитки, то сдержанный говор. Страшась самой мысли о возможности того, что Андрей не возвратится никогда, безропотно ждали его, изнурив себя слезами, Лукьяновна и Наталья.

Шахтерскую лампу, единственный теперь источник света, в доме Русаковых нынче не зажигали: даже тусклый огонек казался небезопасным.

Как и сутки назад, в доме было сумрачно и тихо, но хозяева не спали. Они разошлись по своим углам, и каждый чутко улавливал случайный звук, малейшее движение за окнами: шорохи расцветающих яблоневых веток, поскрипыванье рассохшихся ставен.

Время от времени на кухне глухо постукивала форточка: Макар Федотович предусмотрительно оставил ее открытой на тот случай, если сын, опасаясь немецких патрулей, будет пробираться домой не по улице, а с надворной стороны, по огородам. Так пусть он не показывается у освещенной луною двери, а подойдет к форточке и тихонько окликнет.

Но случилось нежданное: на исходе ночи с улицы послышалось пугающее в столь неурочный час тарахтенье автомобиля. Звуки приближались, нарастали и вдруг оборвались, заглохли у самого дома. В окне полыхнул яркий, как вспышка магния, свет: немцы едва не уперлись фарами грузовика в стены дома. Громыхнула калитка, послышались дробный топот кованых сапог и чужеземная речь — отрывистая, похожая на перебранку. В дверь бухнули чем-то тяжелым, вломились в сени.

Последним, жужжа карманным фонариком, в прихожую вошел немец с одутловатым лицом евнуха, с ватой в ушах, в фуражке с непомерно высокой тульей.

Хоть это были и непрошеные гости, Макар Федотович засуетился им навстречу. При свете шахтерской лампы, которой он указал на дверь в комнату, в руке чужака тускло блеснул гранями вороненый пистолет.

Пропустив хозяина вперед, мордатый, с полицейской сноровкой полоснул лучом по углам и стенам комнаты, вскинул, точно взнузданный мерин, голову и изрек заранее приготовленную фразу:

— Давайт фрау Руса́кофф.

Это был Путэр.

Его гортанная речь показалась шахтеру угрожающей и отвратной. Чувство гадливости вызывали у Макара Федотовича и вздернутые, точно петушиный гребень, фуражки немецких офицеров, придававшие им надменный, кичливый вид. Путэр же гордился своим деловым — in der Praxis[1]— знанием русского языка и был озадачен, когда хозяин дома оставил его требование без ответа.

Макар Федотович, из предосторожности слегка отстранившись, пристально смотрел на чужака, силясь разгадать смысл его слов. Но он понял только, что этот ночной визит не сулит его семье ничего, кроме нового несчастья.

Перестав жужжать фонариком, Путэр сунул его в карман. Склонившись к уху старика, пригрозил картаво, будто перекатывая во рту стеклянные шарики:

— Фрау! Фрау!

— Молодую, Наташку,— пояснили из темноты по-русски.

— Молётой, Наташка,— будто нарочито исказив и без того понятное, повторил немец. Выпятив живот и грубо отстранив хозяина, он шагнул в спальню и снова зажужжал своей машинкой. Гестаповец прошелся лучом фонаря по комнате и, не обнаружив ничего угрожающего ему, впился жадным взглядом в картины на стенах, в меблировку. Затем обернулся к женщине.

— Х-ха! Фрау Руса́кофф? — воскликнул он в некотором замешательстве.

Наталья, за минуту до того услышав стук в дверь и громкие окрики у порога, успела подняться с постели и теперь стояла перед немцем, досадливо одергивая кофту и щурясь от света. Ее припухшее от слез лицо выражало не страх и не удивление, а затаенную враждебность.

Плотоядным взглядом Путэр обшарил ее ладную фигуру, приметил сверкнувший на пальце золотой перстенек с граненым малиновым камешком и бормотнул, махнув фонарем на выход:

— Вихо́дит!

Это приказание не удивило и не испугало Наталью. Чего еще можно было ожидать от злодеев, отнявших у нее сына и любимого мужа, лишивших ее всех радостей жизни. Ни на кого не глядя, она сняла с вешалки жакет, кинула себе на плечи. Потом помедлила, запнулась. Ее ореховые волосы, еще не утратившие природной пышности и атласного блеска, попали под ворот жакетки. Наталья выпростала их с такой же озабоченностью и неторопливостью, как делала это всегда по утрам перед уходом в геологическую лабораторию, где работала раздельщицей кернов. Потом, сбросив с ног суконные чувяки, на ощупь обулась в расхожие туфли.

Немцы, топтавшиеся у распахнутой наружной двери, нетерпеливо заглядывали в сени. Путэр, казавшийся мешковатым и флегматичным, не спускал глаз ни с Натальи, ни с хозяина, хотя растерянный старик не казался ему способным на отвагу. Чем внешне спокойнее, безразличнее Наталья застегивала пуговицы жакетки, сверкая граненым камешком перстня, тем Путэр становился настороженнее, тем крепче сжимал он в кармане рукоять трофейного чешского пистолета. «Эти загадочные славянские натуры, с виду кроткие и покорные,— думал он трусливо,— в минуту опасности выказывают фанатическую силу духа».

Шахтер стоял безропотно, недвижно, молча смаргивая слезы, не осмеливаясь вступиться за Наталью, и подавленно думал о том, как трудно будет ему оправдаться перед сыном, если тот когда-нибудь возвратится. Он пристально всматривался в лицо снохи, надеясь уловить, не шепнет ли она какое-то заветное словцо, не выскажет ли свою последнюю волю. Но лицо Натальи оставалось непроницаемым, лишь побелели губы да померк не гаснувший никогда прежде теплый свет ее глаз, и в них залегло страдание.

Немец легонько толкнул Наталью в спину. Она даже не глянула на него. Только чуть дрогнули ее ресницы да обморочная бледность залила щеки. Наталья предчувствовала, провидела то неотвратимое и ужасное, что ожидало ее за порогом.

— Шнелль, шнелль! — развязно торопил каратель.

Лукьяновна, стараясь унять дрожь во всем теле и силясь не завыть по-бабьи, наблюдала из спальни за совершающимся в прихожей, чуть приоткрыв дверь. По злобным понуканиям немца она поняла, что Наталью сейчас уведут, и не смела ни плакать, ни просить о пощаде. Ей хотелось верить, что Наташе не грозит ничего опасного, что ее отправят в какой-либо трудовой лагерь, как отправили из поселка на работы в Германию уже многих берестовских шахтеров, девушек и женщин.

«Что же ей дать на дорогу? — растерянно думала Лукьяновна.— Сухарей? Денег? Но нету, нету у нас ничего. Беда-то какая! А может, попросить этого, с ватой в ушах? Похоже, он ихний начальник».

Но что-то удерживало Лукьяновну за дверью, не позволяло показаться на глаза немцам. Она видела не раз, как обращались эти с виду воспитанные, опрятные чужестранцы с теми, кто пытался вступиться за родных или чужих, несчастных, бессильных. Спросят со стороны: «Куда вы их гоните?» — и сейчас же слышат в ответ: «Становись и ты сюда, в колонну. Шнелль, шнелль!» Осмелишься просить, умолять — получишь удар сапогом в живот, а дерзнешь протестовать — пулю в лоб. Поэтому прощались с обреченными, закаменев на месте, сурово стиснув зубы. Угрюмо молчали и тогда, когда, казалось, не было никакой силы молчать...

Кончив сборы, Наталья с дочерней почтительностью поклонилась свекру, тихо молвила: «Прощайте, папа». С проглянувшей в ее лице отрешенностью и печалью она повернулась к спаленке Лукьяновны, сказала еще тише: «Прощайте, мама»,— и повернулась к порогу. Немцы забалабонили что-то, зашаркали сапогами. Лукьяновна, по-детски всхлипнув, вскинула вслед Наталье сложенные в трехперстье пальцы, прошептала с невыразимым состраданием:

— Храни тебя бог, деточка!

Стукнула калитка, и на улице взревел мотор. Макар Федотович торопливо прокрался к забору и затаился в надежде еще раз услышать голос, разглядеть и запомнить обличье того презренного отступника, что говорил по-русски. Старик верил в неизбежность возмездия. Но немцы уже втолкнули Наталью в кузов, взгромоздились и сами вслед за нею и, поспешно подняв задний борт, клацали запорными крюками. Шахтер увидел, как вспыхнули и, удаляясь, запрыгали на дороге мутно-кровавые огни грузовика.

— Прощай, дочка...— только и хватило у него силы вымолвить замлевшими губами.

(Продолжение следует.)

[1] На практике.

А. и С. Ткачевы. ПЕРВЫЙ ХЛЕБ ДЕТЯМ.

Ю. Непринцев. ВОТ СОЛДАТЫ ИДУТ.

НАРОДНАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АННЫ САКСЕ

Имя народной писательницы Латвийской ССР, лауреата Государственной премии СССР, автора романа «В гору» Анны Саксе широко известно в нашей стране и далеко за ее пределами.

Высокий партийный гуманизм характерен для творчества и личности Анны Саксе. Писательница зорко всматривается в своих героев, проходит с ними через все перипетии жизни, создает сложные, многообразные характеры, побуждает одних полюбить, сделать своими друзьями, других — пламенно возненавидеть. Человеческая теплота и доброта, которые дышат со страниц произведений Анны Саксе,— вот что открывает для нее сердца миллионов читателей.

Глубокая симпатия к человеку-труженику привела Анну Саксе в период буржуазной Латвии в коллектив левых писателей и настроила начать повествование о революционерах 1905 года — о семье Цирулисов, перерастающее в первые годы Советской власти в роман «Трудовое племя» — одно из лучших изображений первой русской революции в латышской литературе.

В годы Отечественной войны Анна Саксе работает в редакции газеты «Циня»— центральном органе Компартии Латвии. Здесь она оттачивает свое боевое оружие — слово художника и публициста. Ее глубокоидейные и мастерски написанные публицистические очерки дышат ненавистью к кровавому врагу, пронизаны пламенной любовью к борющемуся народу. После войны писательница становится активным участником движения сторонников мира, ее избирают членом Советского комитета защиты мира.

Одновременно Анна Саксе продолжает интенсивно работать в литературе и создает роман «В гору» (1948), который раскрывает центральную для нашей эпохи тему: показывает путь народа к социализму. Когда Анна Саксе завершила работу над романом, колхозное строительство в Латвии еще не развернулось. В этом направлении были сделаны лишь начальные шаги, прозвучали только первые требования коллективизации. Однако Анна Саксе, как истинно партийная писательница, правильно уловила настроения народа и показала перспективы развития латышского села. Но не только это привлекло читателей к роману «В гору». В нем писательнице удалось создать живые реалистические образы. В первую очередь это относится к прошедшему через всю войну стрелку Юрису Озолу и его задорной сестре комсомолке Мирдзе.

Наряду с «Землей зеленой» Андрея Упита и «Бурей» Вилиса Лациса роман Анны Саксе «В гору» в конце 40-х и начале 50-х годов укрепил славу латышской монументальной прозы.

В дальнейшей своей творческой деятельности Анна Саксе обращается к малым эпическим формам, главным образом к сказке. Сюжетами и образами, созданными в остроумной фольклорной манере, она показывает, что и в этом заброшенном в современной литературе жанре также можно высказать большие человеческие идеи. В последние годы Анна Саксе опубликовала цикл «Сказок о цветах». «Цветы — это частица красоты жизни»,— говорит писательница в стремлении, чтобы эта красота была лучше осознана каждым.

Пожелаем народной писательнице Латвийской ССР Анне Саксе еще шире охватить в своих произведениях красоту жизни, которая укрепляла бы в нас любовь к Родине, желание творить, созидать и совершенствовать нашу жизнь.

Карл КРАУЛИНЬ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Александр ОЙСЛЕНДЕР

Известный советский поэт и переводчик Александр Ефимович Ойслендер (1908—1963) начал печататься в 1926 году. Во время Великой Отечественной войны служил на Северном флоте. Автор нескольких сборников лирических стихотворений. Мы печатаем не публиковавшиеся ранее стихи А. Ойслендера.

* * *

К северу от Томска —
глушь лесная,
Ржавые болота,
мошкара.
Краткая,
Но страдная пора
Летней навигации.
Жара.
Вот что я сегодня вспоминаю.
Мутная от глины и песка,
Катит волны сильная река —
К месту встречи с Обскою губою.
А за той еще громадней ширь.
Где ж она кончается, Сибирь,
За какою дымкою рябою?

ЛЕТНИЙ ЛИВЕНЬ

Где облака накопили
Столько зарниц и громов,
Прежде чем нас окропили,
Жителей дальних холмов?
Вечно дымящийся полюс,
Злой океан и тайга,
Где и в апреле по пояс,
Если не выше, снега —

Вот кто собрал их в дорогу,
Чтобы изведали мы,
К летнему выйдя порогу,
Свежесть грядущей зимы.

Помнишь, что в сквере творилось,
Как порывалась листва
Рухнуть плашмя на перила,
Вмиг накренив дерева...

Каждой травинкой и каждой
Веткой, что завязь дала,
Всей утоленною жаждой
Почва отбоя ждала.

Ветер заламывал к небу
Тонкие руки берез.
Вечер таким еще не был —
Мягким и пряным до слез!

ГОНКА ПО САДОВОМУ КОЛЬЦУ

О, эти длинные трибуны —
Дома Садового кольца,
Где москвичи,
Седой и юный,
Следят за гонкой
До конца.

Троллейбус,
Шевеля усами,
Еще ползет, как майский жук,
Но, вспыхнув фарами-глазами,
Машины тормозят вокруг,
И застывает автотранспорт
Почти у каждого угла,
Спеша освободить пространство
По мановению жезла.

Пригнувшись,
Велосипедисты
Уже летят, к плечу плечо,
И, в диск сливаясь золотистый,
Сверкают спицы горячо.

Одна, другая, третья площадь.
Еще далек конец пути,
Где финиш флагами полощет
И можно дух перевести.

Но лидер вдаль глядит все чаще,
Как будто там вон, за углом,
Ждет неожиданное счастье,
Чтоб осенить его крылом!

В густой толпе
Со мною рядом
Стоят, волнуясь, сыновья
И провожают долгим взглядом
Последних гонщиков...
А я
Вновь вижу дальнюю дорогу
И у кювета на краю
Солдата, что бинтует ногу,
Давно натертую в строю,
И парня, что ему смущенно
Свой предложил велосипед,
Чтоб он успел догнать колонны
Идущие путем побед!

Письмо звезде

Ц. СОЛОДАРЬ

РАССКАЗ

Идеальных супружеских пар, говорят, на нашей планете не существует. И все же Верочка и Ким близки к идеалу. Трудно поверить, но за целых семь месяцев они ни разу не поссорились. Нужны ли еще доказательства, когда можно коротко и ясно сказать: Верочка и Ким очень любят друг друга.

И гордятся друг другом. Свою взаимную гордость они так старательно скрывают, что она очевидна для всех.

Не думайте, однако, что молодожены сходятся решительно во всем.

— Иначе было бы ужасно скучно вместе, — авторитетно утверждала Верочка.

И спешила рассказать, что ее разносторонний Ким, которого заводская многотиражка называла передовым мастером и образцовым книголюбом, равнодушен, представьте, к музыке. Хотя самокритично признается, что с точки зрения гармонического развития личности это не в его пользу.

Зато Верочка не пропускает ни одного мало-мальски значительного концерта. И хотя она всего только начинающий врач-окулист, администратор филармонии, обладающий острейшим зрением, выделяет ей на концерты знаменитых гастролеров место из брони. Именно место, а не места: Верочка не допускает даже мысли, что ее спутником может стать кто-либо, кроме Кима!

А он посвящает эти часы встречам с самыми заядлыми филателистами, ибо коллекция марок — его одна, но весьма пламенная страсть. Дома же, выслушав восторженные отзывы жены о новой сонатине Кабалевского, не менее восторженно восклицает:

— Большая удача, Верик! Мне удалось две стандартных Ямайки махнуть на редчайшую республику Чад!

К филателистам поспешил Ким и в тот августовский вечер, когда Верочка, впервые надев новый костюм из голубого кримплена, направилась в филармонию послушать знаменитого столичного исполнителя песен. Он выступал, как значилось в афишах, в сопровождении женского вокального квартета «Сирена».

Верочка уже слышала молодого певца по радио. Ей пришлось по душе его стремление подчеркнуть содержание песни. Потому-то, видно, по дороге она купила большой георгин голубоватого оттенка. Если же разочаруется в певце, то георгин ограничится скромной ролью неназойливого штриха к ее голубому костюму.

...Киму пришлось долго и вдохновенно убеждать язвительного филателиста Викентия Викентьевича взять за Соломоновы острова три Новые Каледонии. И только заполучив желанную марку, он заметил светящийся экран телевизора. Вернее, услышал обрушившийся на заезжую звезду эстрады шквал аплодисментов.

— Какой успех, — улыбнулся Киму начинающий коллекционер по прозвищу Зеленый. — Вручают певцу букетик за букетиком. Вот уж, действительно, болельщицы песни!

— Не столько песни, сколько персонально душки-тенора, — саркастически заметил Викентий Викентьевич. — Подносят ему не только цветы, но и записочки... Вот, глядите, в руках у той голубенькой целое письмецо. Лихо, ничего не скажешь!

Ким и впрямь ничего не сказал, увидев, как его жена не спеша подошла к эстраде и вручила наклонившемуся певцу вместе с георгином сложенный вчетверо листок бумаги. Телеоператор по достоинству оценил внешность Веры и показал ее крупным планом.

— Вероятно, автограф просит, — улыбнулся Зеленый.

— Что просит, это только она знает, — съязвил Викентий Викентьевич. — И тенору будет известно, где и когда свидание.

— Зачем вы так! — Ким даже застонал от возмущения.

— Затем, милейший, что в данный момент я, слава богу, с третьей женой развожусь, и ихнюю сестру насквозь вижу! На месте муженька голубенькой и виду бы не показал, что мне известен ее антисемейный поступок. Я бы с ней — подипломатичней!

* * *

— Неужели вернулся без приобретения? — Верочку удивило, что Ким не спешит показать ей новую редкую марку.

— Расскажи лучше, какова столичная звезда...

— Поет здорово! И голосом и сердцем. Но вот беда, старательно выжимает аплодисменты, ох, выжимает! А когда выйдет, наконец, кланяться, не изволит даже вывести с собой девушек из квартета. Забывает, что они играют не последнюю роль в его успехе.

— В общем, значит, понравились... понравился?

— Я же сказала... Да, Кимок, я ему цветочек поднесла. Правда, среди множества пышных букетов мой одинокий георгин затеряется...

— Не волнуйся, уж твой голубой георгин душка-тенор запомнит!

— Во-первых, баритон. Во-вторых, почему ты так выделяешь мой цветок!

— Не догадываешься, почему? — Чтобы не сорваться, Ким решил сосчитать до двадцати, но уже на шести выпалил на визгливой ноте: — А в письме ты ему свидание назначила, да? Где? Когда? Только правду!

Верочка вспыхнула. Но спохватилась и тихо произнесла:

— Со мной так разговаривать нельзя — это раз. И подозревать меня тоже не рекомендуется — это два. Запомни на дальнейшее, если тебе не трудно.

...Потревоженный в предутренний час, сонный портье выслушал Кима довольно сухо:

— Если мы, администрация гостиницы первого разряда, будем называть всем номер уважаемого гастролера, ему придется целый день надписывать автографы многочисленным поклонницам.

— Я не поклонница!

— Вижу, вы поклонник.

Взволнованному Киму удалось все-таки достучаться до сердца бывалого портье.

Но в дверь заветного номера ему пришлось стучать довольно долго, пока оттуда не послышался недовольный голос:

— Ну входи, Стас! Какого черта ты спозаранок!

— Я не Стас! — Вбежав в комнату, Ким добавил: — Я муж Верочки... Веры Степановны.

— Какой там Веры Степановны?

Раздвинув портьеру, из алькова, шаркая тапочками, вышел заспанный певец в самой заурядной, к удивлению посетителя, пижаме.

— Вы перепутали номер, — далеко не музыкальным голосом пробурчал он. — И разбудили человека, который впервые за неделю собрался по-человечески выспаться.

Певец хотел вернуться за портьеру, но Ким бросился наперерез:

— Что вам написала Вера Степановна?

— Я ведать не ведаю никаких Вер Степановных... Степановен! — В голосе певца слышались плачевные нотки.

— А письмо, что вам вчера преподнесли с голубым георгином, тоже не ведаете, да? Кстати, вот он!— И Ким торжествующе вытащил полуувядший цветок из купеческой вазы, куда его запихнули вместе со множеством букетов.

— Можете взять этот георгин. И все букеты в придачу. А я, извините, дико хочу спать, спать, спать!

— Придется победорствовать, — угрожающе заявил Ким. — Впрочем, если вы по-хорошему вернете мне письмо и... и дадите честное слово, что никогда никому ни единым словом...— Ким неожиданно воскликнул: — И не придавайте, пожалуйста, никакого значения письму! Верочка — порывистая натура... И не воображайте, что она встретится с вами!.. Она любит ме...

— Послушайте,— хмуро прервал его певец. — Мне придется вызвать администратора.

— Даже начальника милиции, — показал Ким на телефон. — Но без письма я отсюда не уйду. — И сел в плюшевое кресло.

Певец застегнул пижаму на все пуговицы и с официальным видом сел в другое кресло:

— Честное слово, я еще не развернул ни одной записки. И от кого какая, убей меня гром, ведать не ведаю.

— Мне нужна записка от... стройной блондинки с пепельными... от природы волосами. — Заметив, что певец его не понимает, Ким добавил: — В голубеньком костюме... он так идет к ее глазам...

— Послушайте, с эстрады, я, ей-богу, не различаю ни голубых глаз, ни пепельных волос. Все на один манер!

— Вы слишком много себе позволяете, товарищ баритон! — Возмущенный Ким поднялся из кресла, и певец из вежливости сделал то же самое. — Моя Верочка вам не на один манер! Когда мы с ней в Москве вошли в метро, все пассажиры... и пас-

сажирки сразу же стали глазеть на нас... на нее...

Певец взглянул на Кима подобревшими глазами, улыбнулся и мягким движением усадил в кресло.

— Наконец-то понял... Сам испытал, милый, как оно терзает, это... чудовище с зелеными глазами!

— С голубыми... И она не чудовище, а...

— Эх, вы,— укоризненно покачал головой певец. — Ревнуете по-шекспировски, а лучших шекспировских строк про любовь не знаете... Ладно, сейчас постараемся разыскать письмо вашей необыкновенной... Веры... кажется, Степановны, так? — Раскрыв гардероб, он стал вытаскивать из карманов смокинга скомканные записки. — Заранее могу вам сказать, что написала ваша... кажется, жена, так?— И по-театральному продекламировал: — Очень прошу по радио спеть такие-то и такие-то особенно полюбившиеся мне песни...

Он вывалил груду записок на овальный столик. И Ким сразу разглядел зеленоватый с разводами листок из блокнота, который он недавно привез Верочке из Таллина.

— Вот, — хрипло вскрикнул он и потянулся за листком.

— Минуточку, — учтиво остановил его певец. — С письмом вначале ознакомится адресат.

Он небрежно развернул записку и, снисходительно улыбаясь, стал читать. Улыбка, однако, вскоре исчезла. Глаза становились все более и более хмурыми, а затем в них появилось нечто неприятное.

— Послушайте, — певец сунул записку в карман. — В письмеце вашей супруги нет, поверьте, и тени того, что могло бы вызвать ваши... называю вещи своими именами... ревнивые подозрения. Ее, так сказать, послание, носит сугубо... сугубо творческий, что ли, характер. И вместе с тем глубоко личный... — Не замечая, что Ким все больше и больше хмурится, певец совсем уж по-приятельски продолжал: — Давайте сделаем так... Я на ваших глазах разорву письмецо в мелкие клочья и, если вам угодно,— озорно подмигнул он, — даже сожгу. Так?

Певец вынул листок из кармана. Но, поняв по взгляду ревнивого мужа, что тот не позволит уничтожить письмо, вздохнул и молча протянул его Киму.

Полудетский почерк жены был отлично знаком Киму, и на прочтение потребовалось несколько секунд. Просияв, он добродушно вернул роковую записку певцу:

— Зачем же уничтожать? Вам полезнее проштудировать в спокойной обстановке — аргументы убедительные! Весьма!

Певца передернуло:

— Убедительные?! Ваша... Степановна считает, что на каждый вызов публики я обязан тащить за собой весь квартет?!

— Конечно. Девушки играют не последнюю роль в вашем успехе,— повторил Ким слова жены.

— Что?! Да на моем фоне любой квартет покажется замечательным! Хотите пари: я завтра заменю москвичек девушками из вашей самодеятельности — и никто не заметит. Публика идет на меня, называю вещи своими именами. Да, на меня!

Ким укоризненно покачал головой:

— Да-а... Моя Верочка своевременно подметила в вас элементы ячества. Безошибочный диагноз! Здорово она сформулировала...— И выразительно прочитал вслух: — «Больно за ваше дарование, когда слышишь, как вы, совершенно не считаясь с замыслом композитора, топчете душу... здорово сказано... топчете душу песни и заканчиваете ее эффектной нотой, хотя она предназначена квартету. Зачем? Неужели ради лишних аплодисментов...» Умница! А вот еще здорово сказано...

— Хватит! — Баритон прогремел басом: — Разве ваша супруга... называю вещи своими именами... разбирается в вокале? Она у вас музыковед? Или рецензент?

Дискуссия затянулась. Певец упорно стоял на своем.

Но когда Ким предложил вынести спор на заводской актив народной филармонии, гастролер из столицы тихо заверил влюбленного мужа, что обязательно обдумает письмо его жены. И покорно записал ее адрес.

...Истратив всю наличность, вплоть до обеденных денег, Ким купил пяток голубоватых георгинов и поспешил перехватить Верочку у подъезда поликлиники.

...Все хорошо, что хорошо кончается. Но, честно говоря, с того памятного дня Верочку и Кима уже нельзя назвать приближающейся к идеалу супружеской парой.

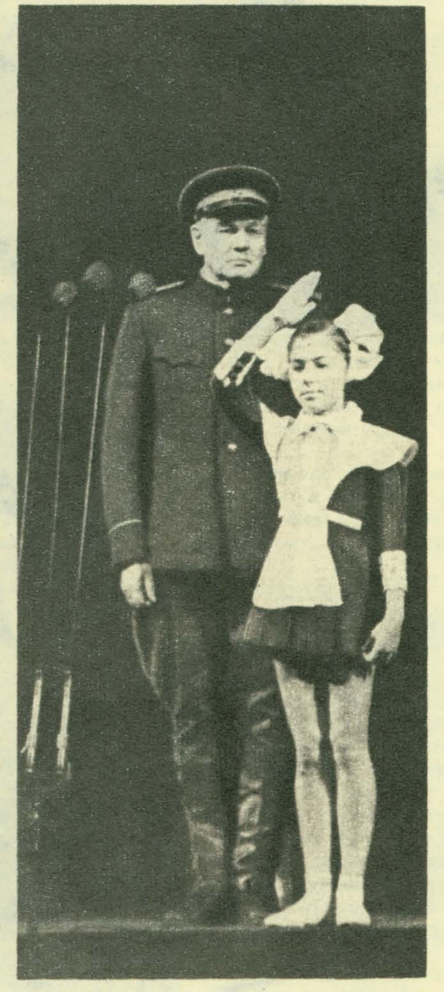
После того, как виноватый муж со смирением в глазах и георгинами в руках с трудом вымолил у оскорбленной недоверием жены прощение, равновесие сил както само по себе стало исчезать. И на исходе десятого месяца их супружества Ким оказался у Верочки под...

Нет, нет, не под каблуком, это было бы сильным преувеличением! Под бескаблучной домашней туфелькой на мягкой подошве — вот так оно будет точнее.

И — это уж совсем непонятно! — Ким почему-то гораздо реже стал по вечерам уходить к своим друзьям-филателистам.

Выступает Зинаида Кириенко.

Сцена с участием Всеволода Санаева
Фото Д. Ухтомского.

ТОВАРИЩ КИНО

Первые шаги кино — этого детища двадцатого века — не были легкими, и ничто не предвещало ему долгой жизни. «Оставим эти забавы для детей», — писали иные газеты, убеждая читателей в беспомощности и бессмысленности новшества. Но юная муза все более уверенно, победоносно шагала по планете.

Едва родившись, кино, как и всякое другое искусство, стало искусством классовым. Советское кино боролось за победу нашего молодого государства на фронтах гражданской войны, помогало строить Днепрогэс и Магнитку, сражалось в боях Великой Отечественной, показывало миру подвиг народа, поднявшего страну из руин...

Обо всем этом нам рассказали в живом представлении «Товарищ кино» сценарист и режиссер, заслуженный артист РСФСР Ю. Левицкий и заслуженный артист РСФСР, режиссер В. Познанский. Созданный ими киноспектакль идет не только в больших городах, но и в далеких уголках нашей страны.

Постановщики киноспектакля создали зрелище, поистине грандиозное по своей масштабности, собрав в одном представлении настоящее созвездие имен: М. Ладынина и Е. Матвеев, В. Санаев и Н. Мордюкова, И. Смоктуновский и А. Ларионова... Все лучшее, созданное нашим искусством, запечатлела кинопленка, став основой этого необычного спектакля, интересного для всех.

Л. ЛУКЬЯНОВА

1961 год: жертвой ЦРУ, стремившегося сохранить позиции колониализма в Конго, стал премьер-министр этой страны Патрис Лумумба.

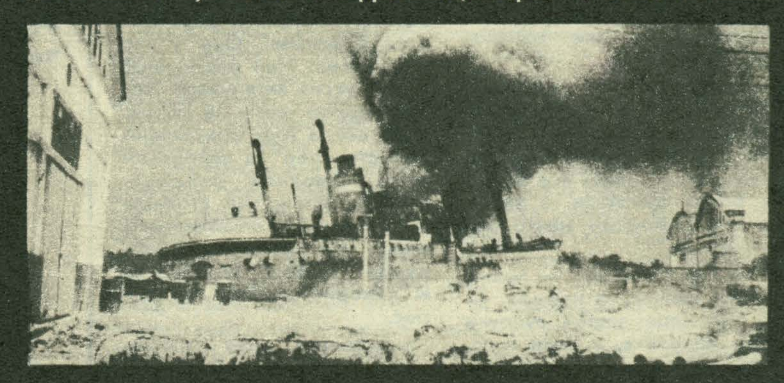

Американская разведка готовила кадры наемников для участия в войне во Вьетнаме. На снимке: агенты ЦРУ обучают наемников стрельбе из минометов.

В 1954 году ЦРУ с помощью своих наемников свергло демократическое правительство Гватемалы.

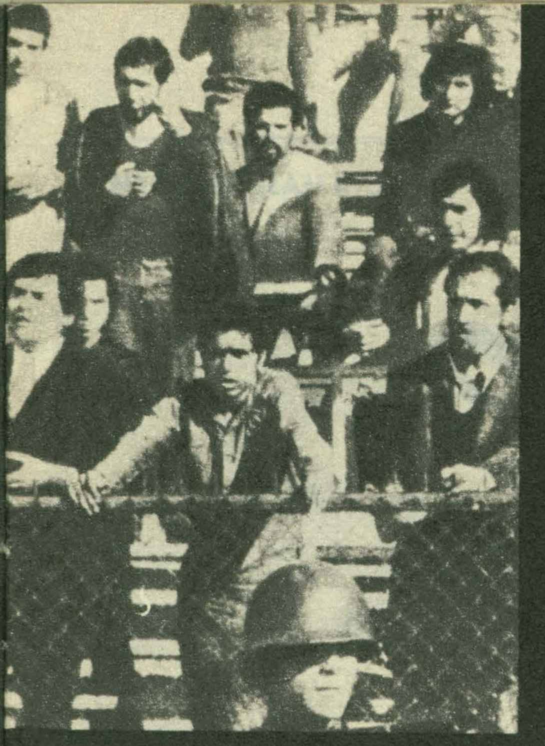
Самое горькое поражение потерпело ЦРУ в 1961 году на Кубе, когда революционные вооруженные силы и народная милиция разгромили 5 тысяч вторгшихся интервентов, обученных и вооруженных Центральным разведывательным управлением. На снимке: огнем артиллерии острова Свободы поврежден один из кораблей, доставивших кубинских контрреволюционеров в залив Кочинос.

ГРЯЗНАЯ РУ ЛЭНГЛИ

Борис СТРЕЛЬНИКОВ

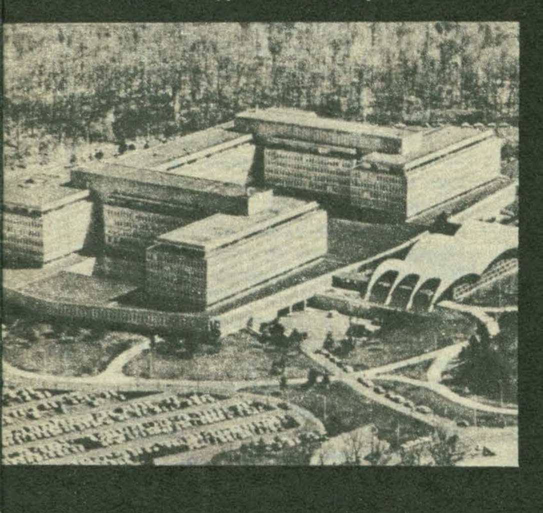
С директором Центрального разведывательного управления Ричардом Хелмсом мы какое-то время жили в одном доме. Корпункт «Правды» — на десятом этаже, а его квартира — на седьмом. Иногда по утрам мы встречались в лифте. Я вез детей в школу, а он спешил на работу в Лэнгли. В лифте, как принято между соседями, мы вежливо кивали друг другу. Хелмс бормотал

В страну концлагерей и тюрем превратила Чили военная хунта, пришедшая к власти после свержения с помощью ЦРУ законного правительства Народного единства.

Лэнгли — штаб-квартира ЦРУ: здесь планируются и разрабатываются подрывные акции против свободы, демократии, мира и независимости народов.

Фото из журналов «Штерн» и «Тайм».

что-то о погоде, а я задавал ему один и тот же вопрос:

— Что нового, мистер Хелмс?

Он улыбался краешками губ, давая понять, что принимает игру, и отвечал каждый раз одно и то же:

— Ничего нового, все старое. Если что-нибудь случится, вы об этом услышите.

Он, конечно, был осведомлен о том, что я корреспондент «Правды», но внешне не проявлял ко мне особого интереса. Зато мои дети рассматривали его с любопытством. Они слышали от привратника дома и от жильцов, что этот высокий, по-спортивному подтянутый пожилой джентльмен с бесстрастным лицом банковского чиновника на самом деле «самый главный американский шпион», как называли его здешние газеты, что в его квартире стоят три телефона: городской, связывающий с Лэнгли и прямой в Белый дом.

У подъезда его ждал черный «крейслер». Шофер в черном костюме брал под козырек форменной фуражки и распахивал дверцу автомобиля. Сейчас я вспоминаю, что Хелмс тоже всегда был в черном костюме и черных перчатках. Еще я помню, что у него были почему-то очень стоптанные ботинки.

На стене корпункта «Правды» висит большая карта Вашингтона и окрестностей. В левом верхнем углу ее, между рекой Потомак и шоссе № 193,— довольно большое белое пятно. На пятне — буквы: «Лес Лэнгли. ЦРУ». Через лес от шоссе № 193 протянуто несколько прямых, тонких ниточек дорог, которые неожиданно обрываются в белом пространстве. В журнале «Ньюсуик» я видел фотографию этого места. Снимок был сделан с самолета. Лес. Огромная поляна. Решетка высокого забора. Комплекс многоэтажных зданий, выполненных в модерновом стиле. И невероятных размеров стоянка автомашин. Это и есть Лэнгли — штаб-квартира Центрального разведывательного управления США. Рассказывают, что в этих зданиях работают 20 тысяч человек.

О том, чем занимается ЦРУ, писали много и подробно. Переворот в Гватемале — это работа ЦРУ. Убийство премьер-министра Конго Лумумбы — дело рук ЦРУ. Контрреволюция в Чили, убийство Альенде и тысяч чилийских патриотов — кровавая акция, подготовленная и осуществленная ЦРУ. Но это далеко не полный список преступлений Центрального разведывательного управления США. Убийства, похищения, шантаж, шпионаж, вымогательство, подкуп, подделки, клевета — вот неполный перечень. Кроме всего этого, Центральное разведывательное управление занимается также психологической войной, пропагандой, подстрекательством.

У Центрального разведывательного управления бывают, разумеется, провалы, и тогда весь мир видит, какими грязными делами занимаются в Лэнгли. Крупные провалы ведут к смещению начальства. Был смещен и Хелмс. Некоторое время ему не могли подыскать достойного поста. Потом отправили послом в Иран.

И вот недавно я услышал, что мистер Хелмс возвращается в Вашингтон. Его вызывают в связи с новым скандалом вокруг Центрального разведывательного управления.

Началось все со статьи в газете «Нью-Йорк таймс». Корреспондент газеты Сеймур Херш писал: «По сведениям, полученным из высокопоставленных правительственных источников, Центральное разведывательное управление грубо нарушало свои полномочия, занимаясь в широких масштабах внутренним шпионажем против участников антивоенного движения и других лиц, несогласных с политикой правительства... Секретные досье по крайней мере на десять тысяч американских граждан хранились в специальном отделе ЦРУ, подчинявшемся непосредственно Ричарду Хелмсу... Кроме того, как стало известно из тех же источников, проверка внутренних дел ЦРУ, произведенная в 1973 году по указанию преемника Хелмса — Джеймса Шлезингера, свидетельствует о десятках других незаконных операций внутри США, которые начиная с 50-х годов проводили агенты ЦРУ, вторгаясь в частные квартиры, подслушивая телефонные разговоры и тайно проверяя частную почту».

Слежка за американскими гражданами не бог весть какая новость для этих граждан. Следит Федеральное бюро расследований (ФБР), следит специальная служба Пентагона, следят все, кому не лень. Об этом не раз писали американские газеты, об этом говорили в конгрессе, об этом однажды даже показали документальный телевизионный фильм. Так почему же скандал? И почему вдруг «высокопоставленные правительственные источники» дают «Нью-Йорк таймс» разоблачительный материал на Центральное разведывательное управление?

Все очень просто. Среди десяти тысяч досье, заведенных ЦРУ на американских граждан, есть досье на члена верховного суда США, на нескольких конгрессменов и губернаторов, на крупных бизнесменов и финансистов. Сейчас в Вашингтоне то один конгрессмен, то другой признаются, что в свое время обнаружили микрофоны ЦРУ в своих рабочих кабинетах и даже спальнях.

Одно дело — подслушивать телефонные разговоры какого-нибудь студента — участника антивоенной демонстрации, другое дело — сенатора. Вот тут-то и начался ропот в высших эшелонах власти Вашингтона. Это уже, дескать, чересчур. Это, дескать, уже нарушение правил игры. Когда «Нью-Йорк таймс» вышла со статьей Херша, президент Форд проводил с семьей отпуск в заснеженной горной долине штата Колорадо. Он вызвал по телефону нынешнего директора ЦРУ Колби и сказал ему:

— При нынешнем правительстве я не потерплю такой деятельности ни при каких обстоятельствах.

Центральное разведывательное управление, давно ставшее государством в государстве, проявило признаки того, что оно может окончательно выйти из повиновения. И это встревожило Вашингтон.

Как всегда в подобных случаях, последовали сообщения об отставках руководящих лиц. Первым поспешил уйти Джеймс Энглтон, глава отдела контрразведки ЦРУ. Газета «Нью-Йорк таймс» писала о нем так: «В хорошо осведомленных кругах полагают, что Энглтону было разрешено продолжать заниматься внутренним шпионажем вследствие той огромной власти, которую он сосредоточил в своих руках как глава контрразведки. Десятки бывших сотрудников ЦРУ не скрывают страха и трепета, когда говорят об Энглтоне, ботанике по образованию, выпускнике Йельского университета, издававшем когда-то поэтический журнал. Бывшие сотрудники ЦРУ неоднократно характеризовали его как беспощадного и расчетливого служаку».

А на днях выяснилась еще одна немаловажная деталь. Оказывается, Энглтон уже 20 лет связан с израильской разведкой. В своих симпатиях к израильским экстремистам он зашел так далеко, что нынешний глава ЦРУ, заметая следы, потребовал, чтобы он либо перешел в другой отдел, либо подал заявление о пенсии.

Сейчас в связи со скандалом в Вашингтоне ощущаешь целый букет чувств и настроений. Растерянность — у одних, пессимизм и ирония — у других, злорадство — у третьих. В разговорах можно услышать такие фразы: «И после этого у нас хватает совести поучать другие страны и на весь свет хвастаться нашей демократией», «Пора надеть на ЦРУ намордник, иначе дело может кончиться плохо».

Злорадство ощущаешь в редакциях газет и в здании государственного департамента — дипломатического ведомства США. Репортеры радио и телевидения с большой энергией включились в поиски новых скандальных материалов. Это понятно: многие журналисты были объектом слежки и сейчас стремятся взять реванш. Что касается представителей дипломатической службы, то у них претензии более серьезные. Известно, что агенты ЦРУ занимают иногда три четверти всех мест в американских посольствах за рубежом. Один из репортеров, прикомандированных к государственному департаменту, недавно в доверительной беседе рассказывал мне:

— Бывает, что влиятельные представители ЦРУ, состоящие на службе в посольствах, навязывают послам такие решения, которые идут вразрез с инструкциями государственного департамента.

Все это поставило перед Америкой такой вопрос: не достигли ли бесконтрольные действия ЦРУ такой стадии, когда они стали опасны не только для других стран, но и для самой Америки? Президент создал специальную комиссию, которой поручено провести расследование обстоятельств «внутреннего шпионажа». Но многие здесь сомневаются, что такое расследование что-нибудь даст. Ведь создавались же подобные комиссии после каждого провала. Если бы мы сегодня встретились снова с Ричардом Хелмсом, я убежден, он бы сказал, как обычно: «Ничего нового, все старое...»

Вашингтон (по телефону).

Таежные мародеры

Б. ПРОТОПОПОВ

Приходилось ли вам, читатель, блуждать по тайге, потеряв единственную тропинку шириной в человеческий след, когда съеден последний сухарь, докурена последняя щепотка табака, а в ружье — последний патрон?

Если да, то вспомните счастливый миг, когда вдруг открылось вам где-нибудь в распадке у ручья охотничье зимовье. Полно, не мираж ли... Нет, вон и дровишки сложены под навесом, пробой на толстой двери лишь накинут на петлю да заткнут щепкой, чтобы не открыл ее зверь. Входи, таежный путник! Отдохни после тяжелой дороги, грейся, поешь, что оставил тебе, незнакомому человеку, бескорыстный хозяин.

И вся плата за это: когда будешь уходить, пополни запас дров, что сжег, обогреваясь, да прибери за собой...

Мне случалось говорить с охотником после ночевки в его жилье.

— Что ты, паря,— скажет он в ответ на благодарность,— не за что! Сам, однако, сколько раз этак-то в чужом зимовье спасался. Таков закон таежный. Не нами заведен, не нами и кончится!

Теперь представьте мое возмущение, когда в Катангском райкоме партии мне показали письмо. Вот оно:

«...Георгий Павлович! Я к вам вот с какой просьбой. Что нам делать сей год? Всех нас пообокрали. Все лодки увели, капканы порастащили, ондатр повыловили, и мы со стариком ничего не добыли. В избушке-зимовье окно вытащили, дверной пробой весь разворотили, коптилку сожгли. Сена ничего не накосили: литовки покрали. Провиант весь утащили. Что теперь делать? Старик остался в тайге, а я заболела, и меня выплавили на моторе. Может, приедете сами?

С приветом к вам

Елена Ивановна».

— Это пишет жена нашего знаменитого охотника Елена Ивановна Сафьянникова,— сказал секретарь райкома Г. П. Масягин.— Лет пятьдесят, если не больше, промышляют они в тайге пушного зверя — соболя, ондатру, белку. В охоте молодым не уступят. Но самое трудное, пожалуй, для них завезти в дальнее свое зимовье продукты питания и охотничье снаряжение: ведь где на лошади, а где и на спине. А силы-то немолодые!.. И вот нашлись же люди без чести и совести, разорили стариков. Набезобразничали в зимовье, на отведенном им участке истребили зверя, покрали капканы, увели лодки с реки. Горько говорить, но это у нас уже не первый случай...

Да, к сожалению, в Катангском районе, Иркутской области, случай этот не первый. Едва мы с секретарем райкома приземлились на вертолете в эвенкийском поселке Тетея, к нему с такой же жалобой обратился охотник Александр Сергеевич Наумченко.

Охотники ладили нарты, осматривали снаряжение, чинили одежду: через день-два — на промысел... А вот Наумченко сидит, положив на колени тяжелые руки: работа не идет на ум.

— Зимовье наше километров двести отсюда, на озере Ховано,— рассказывает он, не поднимая тяжелых глаз,— летом завезли туда все, что нужно: муки два куля, шестьдесят пачек патронов, две сети рыбачьих, семьдесят пачек махорки. Печку новую сложили, окно, дверь отремонтировали. Таково уютно получилось, однако. В августе пошел зверя разведать, зашел в избушку и ахнул: патронов нет, мука в кулях на донышке, так и стоит открытая, мыши в ней возятся... Прибрал, конечно, что осталось, и на столе ножом вырезал: «Товарищи, так в тайге не делают. Верните, что взяли». Может, думаю, еще раз придут, так совесть проснется. И ушел в тайгу. В этот раз не повезло мне: заблудился, продукты поел, еле-еле к озеру выбрался. Стал на лодке переправляться да еще и перевернулся. Все, что осталось, утопил, только ружье и спас... Мокрый весь. Есть нечего, курить нечего... Ничего, думаю, в зимовье и мука и махорка еще остались... — Прихожу — дверь выломана, печка искорежена, смятые трубы и лампа на улице валяются. Все продукты подобрали подчистую. Махорки даже и покурить не осталось! Как же можно? Неужели и закона на таких подлецов нет?

— Кто это мог сделать, по-вашему? Свои, местные кто-нибудь?

— Нет, свои такого не позволят,— говорит твердо Наумченко.— На столе крошки от галет остались. У нас галет не было,— добавляет он, подумав.— Может, из экспедиции ребята? Тут их много у нас — нефть, газ, полезные ископаемые ищут.

— На экспедиции нельзя все валить,— замечает Масягин,— хотя, к слову сказать, там далеко не все работники в уважении к законам тайги воспитаны... Других, случайных людей в тайге много — вот в чем беда! Кому сообщил о своей беде?— спрашивает он, помолчав.

— Заведующему производственным участком Жижину докладывал, главному охотоведу Калинину заявление оставил,— нехотя говорит Александр Сергеевич.— Ответа нет пока... Да, признаться, не особенно и надеюсь, что найдут кого: пришлых людей много в тайге шатается. Поди найди их: нынче здесь, а завтра там.

«Пришлые», «случайные» люди... Как попадают они сюда? В основном это браконьеры, налетающие в охотничий сезон. У них одна цель: добыть пушнины и загнать ее на черном рынке. Много вреда приносят и так называемые бичи — люди без определенных занятий, проникшие сюда тоже в поисках легкого хлеба. Что для них мудрые, справедливые законы тайги? На их совести не только разоренные зимовья, но и лесные пожары, что каждое лето полыхают в Иркутской области.

Все это так, однако в районе было несколько случаев, когда зимовье разоряли и местные хулиганы. Недавно, например, уличили в этом группу школьников. Они отделались тем, что их слегка пожурили. Жаль! Думается, публичное обсуждение такого поступка было бы действенее.

Серьезные претензии можно предъявить работникам местной милиции. Кстати, случай, рассказанный А. Наумченко, прошел мимо их внимания. Хотя, конечно, им своими силами трудно контролировать территорию площадью 137 тысяч квадратных километров.

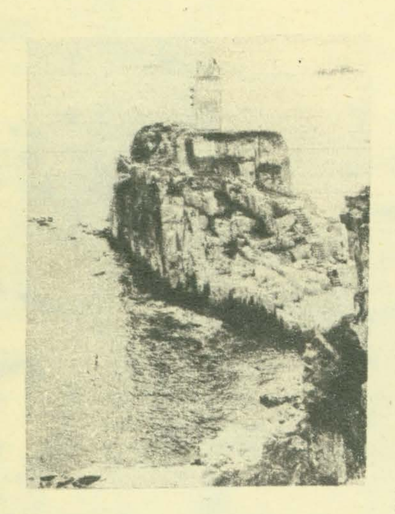
Где же выход, кто образумит таежных мародеров?

Такой вопрос по приезде в Москву я задал заместителю начальника управления административной службы милиции МВД СССР генерал-майору милиции Т. М. Шукаеву.

— То, что вы сообщили, представляется мне чрезвычайно важным,— сказал Тихон Михайлович.— До сих пор такие жалобы к нам не поступали. Не берусь сейчас квалифицировать, по какой статье закона несут ответственность за свои действия бесчестные люди, разоряющие зимовья, но в том, что милиция сделает все возможное для того, чтобы предотвратить эти хулиганские выходки, можете не сомневаться. Прежде всего, полагаю, требуется более пристальное внимание к порядку в тайге со стороны Иркутского областного управления внутренних дел. Работники управления должны контролировать, кто и зачем едет в тайгу, принимать самые действенные меры против таежных хищников.

— Можно ли сообщить читателям, что соответствующие распоряжения будут даны незамедлительно?

— Да, можете,— сказал генерал-майор.

ОГОНЬ МАЯКА

Маяки... Сколько их высится по самому краю суши! Как путеводные звезды, красным и белым светом указывают они путь кораблям. Тысячи маячных несут свою неустанную вахту. В тревожные штормовые ночи, в пургу и дождь поднимаются на башни, чтобы было чистым ясное око путеводного света. А когда над морем нависает плотный туман, вахтенные включают наутофон — мощный звуковой сигнал, слышный за много миль.

Маяк Басаргина, названный так в честь офицера-гидрографа с корвета «Манчжур», встречает суда, идущие во Владивосток. Моряки величают его Воротами города. Обслуживают его четыре человека — две семьи: Лаврентьевы и Теляковы. Жизнь маячных строго расписана по часам. Николай Сергеевич Лаврентьев (он здесь главный) показывает мне свое хозяйство — жилые помещения, радиорубку, дизельную и щитовую. Чистота и порядок повсюду корабельные.

Лаврентьевы и Теляковы за годы, проведенные здесь, настолько полюбили свой маяк, что иной жизни и не мыслят. На свободном от камней клочке земли вырастили сад, ведут хозяйство и правят службу.

Море с высоты башни видится до самого горизонта. Маленькой точкой выглядит отсюда корабль, идущий к родным берегам. И всегда он проходит мимо, никогда не причалит к маяку. И только волны, зеленые, в белых кружевах, прибегут к нему от корабля, ласково и благодарно коснутся гранитного подножия.

В. КУЗНЕЦОВ
Фото автора.

ПАМЯТИ А. Л. ДЫМШИЦА

Он ушел из жизни безвременно, в полном расцвете своего многостороннего человеческого таланта. Наука потеряла в нем пытливого, неутомимого исследователя; литература — яркого, острого публициста; все наше общество — своего активного строителя, деятеля с большим опытом борьбы за передовое современное искусство.

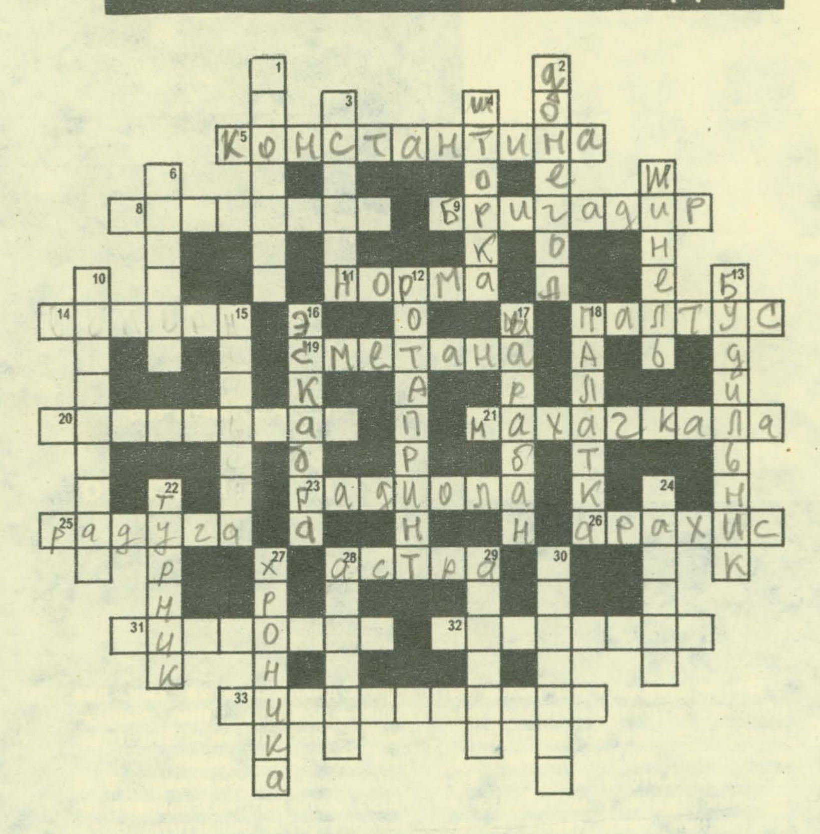
Социалистическая культура имела в лице А. Л. Дымшица мудрого знатока этики и эстетики марксизма, высокообразованного писателя. Но он не был равнодушен и к «злобе дня». И умел сказать свое слово по поводу волновавших его впечатлений литературной жизни, в которых справедливо видел присущий им глубинный идеологический смысл. Они не оставляли его безразличным, посторонним свидетелем, он всегда занимал свою активную позицию, выражал свою точку зрения, чем и вызывал всеобщее уважение.

Александр Львович был постоянным автором «Огонька».

Неустанный труженик, он не умел щадить себя, беречь здоровье; он работал и во время тяжелой болезни, неумолимо подтачивавшей его организм...

Александр Львович Дымшиц оставил большое творческое наследие. Оставил свое умение быть неравнодушным к явлениям творчества, к самой жизни, к процессу вечного созидания. Оставил нам свои труды, свои книги.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Город в Алжире. 8. Памятник. 9. Комедия Д. И. Фонвизина. 11. Опера В. Беллини. 14. Озеро в Швеции. 18. Промысловая рыба. 19. Молочный продукт. 20. Телескоп для фотографирования Солнца. 21. Столица автономной советской республики. 23. Сочетание радиоприемника с проигрывателем. 25. Оптическое явление в атмосфере. 26. Земляной орех. 28. Цветок. 31. Сигнальный фонарь. 32. Отрасль медицины. 33. Порт в США.

По вертикали:

1. Персонаж романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». 2. Залив Атлантического океана у берегов Ирландии. 3. Советский поэт. 4. Деталь затвора фотоаппарата. 6. Теплообменный аппарат для подогрева воды. 7. Повесть Н. В. Гоголя. 10. Порода собак. 12. Печатная машина малого формата. 13. Сатирический журнал, в котором сотрудничал А. П. Чехов. 15. Река в Северной Америке. 16. Крупное соединение кораблей. 17. Старинный экипаж. 18. Легкое торговое помещение. 22. Предмет для гимнастических упражнений. 24. Русский писатель XIX века. 27. Запись исторических событий. 28. Автор статьи «Аполлон Бельведерский». 29. Единица яркости. 30. Лиственное дерево, кустарник.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали: 3. Портос. 8. Непер. 9. Майор. 10. «Лещи». 11. Мирабель. 12. Незнамов. 13. Давос. 15. Сфинкс. 17. «Садко». 18. Метеорология. 21. «Волга». 23. Декарт. 26. Аркан. 28. Майолика. 29. Палантин. 30. Ниас. 31. Минус. 32. Кубок. 33. Жасмин.

По вертикали: 1. Горельеф. 2. «Поединок». 4. Семинар. 5. Лекало. 6. Гагара. 7. Ножовка. 14. Смета. 15. Стенд. 16. Скотт. 17. Спика. 19. Гораций. 20. Рагимов. 22. Глобус. 24. Еланская. 25. Рапсодия. 27. Рангун.

На первой странице обложки: Мака Китовани и Анука Мгалоблишвили — маленькие художницы из Тбилиси.

Фото И. Тункеля.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 30/XII—1974 г. А 00502. Подписано к печ. 14/I—1975 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 193. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

КАШШАЙ И ЕГО СЫНОВЬЯ

С. КАЛИНИЧЕВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Почти двадцать лет назад на обложке журнала «Огонек» появился снимок из мастерской молодого закарпатского художника Антона Кашшая. Художник сидел у мольберта в окружении трех своих сыновей — Степана, Антона и Мирона.

Любопытный человек Антон Михайлович Кашшай! Сын лесничего, выросший в Карпатах, он с детства был влюблен в родной край, мечтал рисовать, ловить на холсте неповторимые мгновения теплой весны, доброго лета, богатой красками, задумчивой осени. Он учился у прославленных мастеров И. Бокшая, А. Эрдели, Г. Глюка, целыми днями бродил с этюдником по Карпатам, по берегам Ужа и Латорицы. В 1952 году его приняли в Союз художников СССР.

И вот с фотографией, сделанной два десятилетия назад, наши корреспонденты приехали в Ужгород. Как сложилась судьба Антона Михайловича, кем стали его сыновья!

Та же мастерская, что и двадцать лет назад, только перестроенная. Она больше, просторнее.

Теперь уже не так часто бывает, что вся семья собирается под одной крышей. А тут в течение двух дней столько гостей! Из Киева приехал старший сын Степан, архитектор. Человек вдумчивый, серьезный. Стоит ему встретиться с отцом, и вот уже долгие разговоры. Разложат один свои бумаги, другой — этюды. И ходят вокруг них, советуются, спорят...

Средний сын, Антон, живет в Тячеве. Родители надеялись увидеть его музыкантом. Он блестяще окончил музыкальную школу, а потом решил стать врачом. И стал им. А младший — Мирон — до сих пор все еще в поисках, раздумьях. Казалось бы, окончил человек четвертый курс университета, отлично провел практику в школе, убедился на опыте, что подростки тянутся к нему,— о чем еще думать! А он все недоволен собой.

Антон Михайлович гордится детьми.

— Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — сын! — говорит он.— Это главный итог моей жизни.

Конечно, скромничает. Уже пятнадцать лет возглавляет он Закарпатскую областную организацию Союза художников СССР. В 1964 году ему присвоено звание народного художника Украинской ССР.

Большой мастер пейзажа, Антон Михайлович не любит ярких, крикливых красок. Спокойные, почти неощутимые переходы тонов, сдержанная простота и лаконичность рисунка удивительно точно передают характер свободно раскинувшихся Карпатских гор, мягкость их очертаний, уют защищенных от ветра долин.

...История семьи художника— яркий пример того, как растет новая интеллигенция в Советском Закарпатье, в краю, где каждый ощущает себя полноправным членом общества, где каждый чувствует, что он личность, имеющая все условия для раскрытия возможностей, заложенных в нем природой.

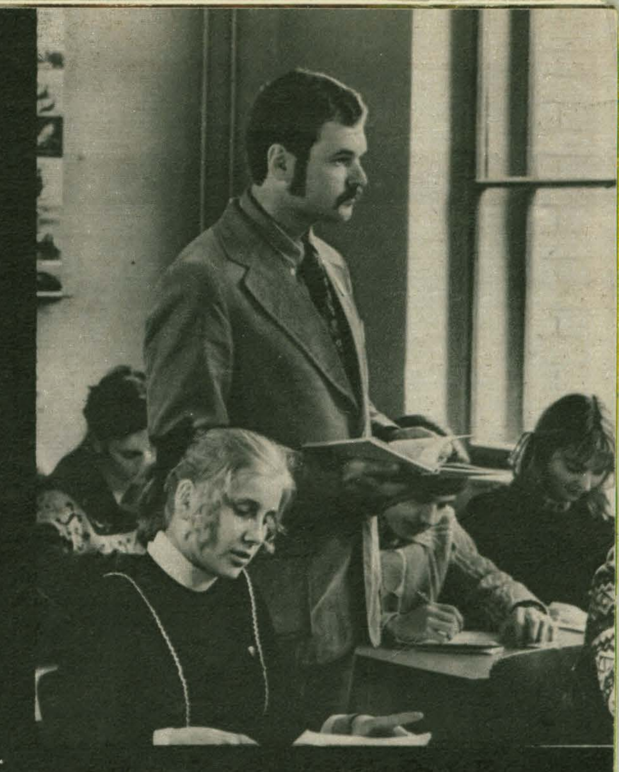
— Меня дети заставили учиться,— говорит Ялина Александровна, жена художника.— Начала чувствовать, что еще немного, и отстану от них...

Став уже матерью троих детей, Ялина Александровна окончила в 1960 году десятилетку. Вечернюю, конечно. Потом три года занималась на курсах иностранных языков при Ужгородском университете. И хоть учиться ей было не очень трудно, ведь в семье свободно говорят на русском, украинском, венгерском, чешском, все же дети и работа заставляли дорожить каждой минутой. А после окончания курсов мать пошла на преподавательскую работу,— казалось, что еще можно ждать от человека! Но вот стал студентом старший сын, и она решила поступить на вечернее отделение университета, окончила его уже вместе со вторым сыном, когда студентом стал и третий.

Она смотрит на детей и мужа и со вздохом признается:

— А все-таки лучше, когда все вместе...

Антон Михайлович Кашшай и его сыновья: Антон, Мирон, Степан.

Младший из сыновей, студент Ужгородского университета Мирон, на практике.

Призвание Антона — медицина.

Степан, архитектор, высоко ценит советы отца.

Цена номера 30 коп
Индекс 70663